

Двойной
Артефакт
ДЕТЕКТИВ

Ольга ТАРАСЕВИЧ

ЗОЛОТОЙ
ВЕНЕЦ
ТРОИ

СОКРОВИЩЕ
КНЯЗЕЙ
РАДЗИВИЛЛОВ

Ольга Ивановна Тарасевич
Золотой венец Трои.
Сокровище князей
Радзивиллов (сборник)
Серия «Двойной артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12194348

Золотой венец Трои. Сокровище князей Радзивиллов (сборник): Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70220-6

Аннотация

Золотой венец Трои

Все, кто владел прекрасным золотым венцом, погибал трагической, иногда – ужасной смертью. Им, согласно преданию, владела сама царица Карфагена Дидона, получившая его из рук могучего троянца Энея... Писательница Лика Вронская, приехав на отдых в Тунис, неожиданно сталкивается не только с новым владельцем кровавого венца, но и с очередной криминальной загадкой. Бесценное украшение, попавшее в руки простого арабского парня Салаха, исчезло – его украли. А после кражи происходят одно убийство за другим...

Сокровище князей Радзивиллов

Их было двенадцать – золотых апостолов, инкрустированных драгоценными камнями, – украшение сокровищницы княжеского рода Радзивиллов. Статуи исчезли в период наполеоновского похода на Россию. И вот спустя столетия появляется информация о том, что клад обнаружен... Писательница Лика Вронская приезжает в город, где якобы нашли сокровища. И выясняет: там происходят жестокие убийства. Преступник расправляется с молодыми мужчинами и покрывает их тела золотой краской. Он явно использует старинную легенду. Но с какими целями?..

Содержание

Золотой венец Трои	6
Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	57
Глава 3	86
Глава 4	121
Глава 5	155
Конец ознакомительного фрагмента.	185

**Ольга Тарасевич
Золотой венец Трои.
Сокровище князей
Радзивиллов (сборник)**

© Тарасевич О. И., 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Золотой венец Трои

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

*Юлии Набоковой, Эдуарду Мазо,
Ultra_demonessa и всем моим любимым читателям,
которые всегда меня поддерживают и вдохновляют*

Пролог

За много лет до описываемых событий...

Интересно, с какого возраста помнят себя дети?

С года-двух? Мне всегда было страшно задавать этот вопрос своим друзьям и подругам. Потому что он возвращал бы меня в тот самый ужасный день, с которого «начинается» моя собственная память, мои воспоминания.

Мне десять лет.

Помню, как давил на плечи ранец. Учебники и тетрадки слегка подпрыгивали при ходьбе. А ручки и карандаши, лежащие в пенале, наоборот, не звенели. Родители подарили мне классный голубой пенал – «двухэтажный», со специальными резиночками, куда вставлялись ручки.

Жизнь была прекрасна. Я это точно помню! Свежий,

чуть прохладный весенний воздух, синее небо, яркое солнце... И так хорошо идти в школу, потому что знаешь: там друзья и не вредные учителя, они рассказывают много нового и интересного, а на перемене можно похрустеть яблоком и шоколадным батончиком, положенными в портфель заботливой мамой. Возвращаться домой тоже здорово. Конечно, придется есть на обед противный гороховый суп или картофельный салат. Зато потом мамочка разрешит полакомиться мороженым, а после того как я сделаю уроки, отпустит меня погулять.

С моей памятью что-то произошло.

Ее словно бы обнулили в тот роковой день.

Моя жизнь начинается для меня с десятилетнего возраста.

Но я точно помню состояние безоблачного счастья. За пару мгновений до падения в ад мне довелось побывать в раю. Там царили такая полная гармония, такая исключительная безмятежность, такой невероятный покой... Когда ты буквально каждой клеточкой своего тела, всеми фибрами души принимаешь жизнь, и она дарит тебе только свет; и ты еще даже не догадываешься, сколько темных туч может внезапно появиться на горизонте.

Просто это было единственное мгновение абсолютного счастья в моей жизни.

Единственный миг счастья за всю долгую-предолгую жизнь...

Я точно не помню, как начался тот безумный кошмар.

Был урок математики. Мне нравился этот предмет и очень хотелось похвастаться самостоятельно решенными задачами. Ведь учительница, задавая домашнее задание, предупреждала: нам всем придется поломать над ним голову. Но у меня все решилось, как обычно, легко и быстро. Кажется, мои мысли вертелись вокруг того, что хорошо было бы пойти отвечать к доске, и...

Нет, я все понимаю. Наверное, террористы (двое сумасшедших придурков, расстрелявших половину школы просто так, не выдвинув совершенно никаких требований!) не материализовались прямо у доски. Может, они ворвались в класс, что-то крича при этом...

Не помню: их возможные действия опять стерлись из моего сознания.

Я бы предпочел забыть кое-что другое. Забыть, как выстрел сносит нашей учительнице математики полголовы и написанное на доске доказательство теоремы покрывается светло-розовыми брызгами.

Наверное, мои одноклассницы и одноклассники кричали от ужаса.

Может, если бы получилось заорать в тот момент, мне тоже стало бы легче? Или это только ускорило бы печальный финал?

Не знаю.

Вообще те события запомнились мне как-то отрывочно:

что-то врезалось в память намертво, а некоторые моменты, наоборот, стерлись совершенно.

Точно не помню, кричала ли девочка, сидевшая за соседней партой. Ее убили из-за этого истошного визга? Или они убили ее... просто так, потому что у них в руках было оружие, а она сидела прямо перед ними, хрупкая и незащищенная, как и все дети?

Они выстрелили ей в голову.

Я инстинктивно пригибаюсь. Но мое лицо все равно успевает стать мокрым и теплым. На нем – кровь и ошметки мозгов моей одноклассницы. От ужаса все звуки окончательно исчезают.

Эти ублюдки мне что-то говорили? Чего-то требовали?

Не помню, не слышу.

Звуков внешнего мира больше нет. Только внутри, в моей голове, прямо под черепом, почему-то нарастает неумолкающий гул.

Помню, как меня швырнули на пол.

Помню холодок металла – должно быть, к моему затылку прижались пистолет.

Помню, как меня бьют, ботинки у них на толстой тяжелой подошве, бьют в живот, в лицо.

До мельчайших подробностей навечно в мою память врезаются лица этих ненормальных ублюдков. Их носы, брови, бегающие глазки. У высокого мужчины все плечи засыпаны перхотью, на черном свитере отчетливо видна каждая кру-

пинка. Невысокий худой террорист одет в светло-коричневый вельветовый пиджак. Такой же пиджак есть у моего отца, и осознание этого факта кажется мне почему-то более мучительным, чем чья-то смерть и побои...

К сожалению, я помню слишком многое.

Когда закончился весь этот кошмар (оказывается, нас держали в школе больше суток), мои родители в течение какого-то месяца сменили все: дом, город, свою работу, мою школу.

Возможно, они старались устроить мне такую жизнь, где ничто не напоминало бы о тех страшных событиях, которые мне довелось пережить.

Только вот мои бедные родители не знали, что в моей душе, в моем сердце находится неиссякаемый источник боли, исправно вырабатывающий страдание. И этого не изменить сменой ни дома, ни школы.

От страха порою невозможно дышать.

Осознание собственной уязвимости сводит с ума.

Кажется: Господи Боже мой, как же неправильно устроены люди! Мы такие хрупкие: с тонкими черепами, разлетающимися от выстрелов; с мягкими животиками, куда могут бить чьи-то тяжелые ботинки с рифлеными подошвами...

Иногда мне становилось страшно из-за всего вообще.

Ходить по улице, ездить в трамвае, расплачиваться за покупки в магазине – все это пугало.

Любое действие (как, впрочем, и полное отсутствие каких-либо действий) вызывало у меня жуткую панику.

Точно не помню, когда мое измученное сознание подсказало, как освободиться от этого страха.

А ведь это оказалось так просто...

Всего лишь и надо себе представить: в твоих руках – пистолет. И если только кто-то посмеет причинить тебе боль – выстрел снесет ему полчерепу и разбрызгает мозги в радиусе... ну, скажем, километра.

Бах! Бах! Бах-бах-бах!

Постепенно растет воображаемая гора «трупов».

Уже давно мертв наш сосед – его собака повадилась мочиться на любимый куст роз моей мамы.

Мертвы: папин начальник и одна из моих наиболее противных учительниц...

С той поры прошло много лет.

Но до сих пор лучший для меня способ справиться со страхом и волнением – вообразить, что я вижу агонию обидчика.

Я никогда не могу полностью расслабиться, меня все время беспокоит, что кто-то может причинить мне вред.

Мне много раз хотелось завести ребенка – и одновременно никогда не хватало решимости. Все время казалось, что, если у меня появятся дети, с ними непременно произойдет что-то ужасное. Сознательное родительство – это совершенно не для меня...

Конечно, психоаналитик здесь – не помощник.

Я не знаю ни одного человека, которому помогли бы эти психоаналитики – а уж денежки они выгребают у своих клиентов исправно! Даже от бутылки виски больше пользы, чем от всех этих психоаналитиков, вместе взятых. По крайней мере, спиртное на какое-то время действительно избавляет меня и от страхов, и от тревоги.

По большому счету, мне уже привычно жить так, как живу. Но вместе с тем я понимаю: те два сумасшедших эмигранта, расстрелявшие полшколы беззащитных детишек, навсегда расстреляли и мою память, счастье, любовь, покой...

Глава 1

Карфаген, II век до н. э.

Город разрастается быстро.

С каждым днем все выше становятся буро-желтые каменные стены с прорезями бойниц. Появляются новые роскошные храмы, их мраморные жертвенники окружены внушительными колоннами. То здесь, то там возникают многолюдные рынки, великолепные дома знати, бани, площади, арены, театры. И, конечно, все краше становится главная гордость Карфагена – королевская цитадель Бирса.

Укрепленная, неприступная, внутри она поражает изяществом и благородством убранства. В покоях и обеденных залах стоит самая лучшая мебель: отделанные драгоценными камнями светильники, золоченые стулья и ложи, жаровни самого тонкого литья. Жаровни согревают стылой зимой, а летом так приятно укрываться от зноя во внутреннем дворике и под плеск струй в фонтане любоваться синевой моря, сливающейся у горизонта с голубым небом в одну бесконечную линию.

Теперь уже невозможно и представить, что совсем недавно на этих местах была лишь выжженная палящим солнцем африканская земля, принадлежавшая берберскому царю Ярбе...

– О чем ты задумалась? – участливо поинтересовалась у сестры Анна, расправляя складки белоснежного хитона¹, мягко облежавшего ее тонкую фигуру. – Дидона, ты ничего не ешь, не пьешь. Только молчишь и печально смотришь на море!

Дидона, поправляя золотой обруч, мешавший ее длинным светлым кудрям упасть на лицо, грустно вздохнула.

Что-то случится...

Что-то непременно произойдет – нехорошее и страшное.

Это так же очевидно, как вон та истекающая кровью голубка, умирающая в глубине покоев. Принесенная в жертву богам, она пытается взлететь с мраморного ложа, косится на каменные фигурки Юпитера и Юноны, но в ее белоснежных крыльях нет больше силы.

Анна спрашивает, что случилось.

Как объяснить ей, что едва лишь рассвело, как сердце Дидоны вдруг стиснуло горькое отчаяние?

Нет никаких оснований для глубокой печали, но ей хочется плакать, а еще лучше – укрыться в спальне, натянуть на голову хламиду² и ничего не видеть, ни с кем не разговаривать.

Но ведь ясно же: это не отвратит надвигающейся грозовой тучи.

¹ Женская и мужская одежда, что-то вроде свободного платья различной длины.

² Плотный шерстяной плащ.

Такова, должно быть, воля богов, уготовивших ей новые суровые испытания.

– Красивый день сегодня, Анна! Солнце светит ярко, но жара не очень мучительна. – Пытаясь не расстраивать сестру, Дидона мягко улыбнулась, и улыбка придала ее и так совершенному лицу особую красоту. – Знаешь, я смотрю на наш прекрасный город и уже не верю, что совсем недавно мы нарезали тонкими полосками воловью шкуру, очерчивая участки земли для нашего Карфагена.

– Помню, сказала ты Ярбе, что тебе достаточно и той земли, которую займет шкура вола, а я удивилась! – Анна всплеснула руками, и золотые браслеты, украшавшие ее руки, тоненько зазвенели. – Но ведь действительно, если разрезать шкуру на тонкие полоски, то ими можно охватить кусок земли, пригодный для возведения целого города. И при этом главное условие будет выполнено: речь идет о земле, которую покрывает одна-единственная шкура. Ты провела Ярбу! Очаровала его, а потом – схитрила!

– Знаешь, я бы предпочла, чтобы Венера погасила пламя любви в сердце берберского царя. Но разве это зависит от моих желаний! Недавно он вновь отправил ко мне гонцов с дарами. Прислал дюжину прекрасных рабынь, а еще – свору гончих псов и расшитый золотом шатер. Ярба помнит о том, что я люблю охоту, и старается угодить мне. Впрочем, он больше напрямую о браке не говорит; делает вид, что уважает мое желание – хранить верность покойному супругу.

Однако каждый дар Ярбы все равно пробуждает мучительные воспоминания. Веришь ли, до сих пор все это стоит перед глазами...

Дидона, смахнув слезы, прикусила губу.

В памяти вновь возник образ ее дорогого супруга – Сихея.

Славный воин, богатый царь... Как красив он был на их свадьбе!

Крупные темные кудри выются вокруг загорелого лица, пронзительно-синие глаза радостно сияют, ласковая улыбка обещает молоденькой девочке, одетой в полупрозрачный хитон, все-все, о чем она только могла мечтать, – любовь, почет и уважение, счастливую семью, теплый очаг...

С какой гордостью Дидоне в тот день хотелось смотреть на вчерашних подружек по играм!

Взирайте все, говорил ее сияющий взгляд, какого мужа послали мне боги! Как красив он, высок и строен! Как идет ему пурпурный фарос³, а его котурны⁴, украшенные золотом, так сияют на солнце, что глазам делается больно!

Свадебный пир – как и положено делать для дочери тирского царя – был устроен богатый. Гости уже давно устали возлежать на ложах, ожидая, пока рабы прекратят носить изысканные кушанья и наполнять кубки божественными винами. Но пуще всех томилась от ожидания и нетерпения юная невеста.

³ Верхний плащ, одежда представителей аристократии.

⁴ Дорогая античная обувь на толстой пробковой подошве.

Сихей... любимый, желанный...

Скорее бы остаться наедине с ним, и чтобы его руки сомкнулись на ее талии, а губы целовали ее – жарко-жарко!

Наконец специальная служанка, приставленная к Дидоне для помощи в приготовлениях к первой брачной ночи, делает знак – пора супругам удалиться в опочивальню, на ложе, усыпанное лепестками белых роз.

И вот уже, освещенная пламенем закрепленных на стенах факелов, Дидона торопится по длинному коридору в свою спальню, торопится, чтобы...

Чтобы вдруг наткнуться на тело мужа...

Сихей лежит в двух шагах от дверей опочивальни.

– Госпожа, что же вы остановились? – недоуменно интересуется служанка. И, заглянув через плечо Дидоны, тут же падает без чувств, сосуд с ароматным маслом выскользывает из ее рук и разлетается вдребезги.

В полумраке почти невозможно разглядеть кровь, пропитавшую пурпурный плащ мужа.

Но и этого света довольно, чтобы понять: он, только что давший клятву любви, мертв. Вероломно убит, вон – кинжал с золоченой рукоятью, который коварный убийца вонзил в бок Сихея...

Однако даже тогда, при виде тела мертвого любимого супруга, ей еще все-таки было не очень больно.

Все воспринимается как в тумане. Произошедшее кажется дурным сном, от которого вот-вот можно пробудиться.

Сомнений в том, что Сихей мертв, нет: его бледное лицо кажется застывшей маской. Но поверить в смерть мужа все равно невозможно. А потом спасительный обморок словно погружает мир и все его беды в мягкую обволакивающую темноту.

И все-таки настоящие, мучительно-жгучие страдания начинаются позже. Когда становится ясно: кто тот человек, в своих злодеяниях превзошедший всех прочих смертных...

– Наш брат, Пигмалион! Я до сих пор не верю, что он пошел на это, – прошептала Анна, обнимая Дидону за плечи. – Да, после свадьбы в твою пользу отошли бы обширные земли. Но ведь большая часть царства все равно досталась бы ему! Как мог он убить Сихея, ведь он был его другом!

Дидона вздохнула:

– Жадность, алчность и зависть лишили нашего брата рассудка. Я до сих пор опасаясь мести Пигмалиона! Не следовало мне, наверное, грузить на корабли все наше золото и драгоценности. Но я представила себе, что он, убийца, лишивший меня счастья, распоряжается всем нашим отцовским наследством... Итак, что сделано, то сделано. Пигмалион, должно быть, кричал как сумасшедший, когда ему доложили, что мы бежали, а казна опустела! Знаешь, Анна, сегодня мне почему-то особенно неспокойно. Может, брат решил отомстить нам? Конечно, Карфаген стал уже достаточно мощным и сильным, и за крепостными стенами мы легко укроемся от неприятеля. И все-таки я...

Закончить эту речь Дидона не смогла – дыхание у нее перехватило.

Она смотрела вдаль, где синее небо смыкалось с таким же синим морем. Но только теперь между ними явственно различалась нитка плывущих один за другим кораблей. Ветер раздувал их белоснежные паруса, отчего казалось, что корабли приближаются к Карфагену быстро и стремительно.

Соскользнув со стула с высокой спинкой и золочеными подлокотниками, Дидона пробормотала:

– Надо позвать свиту и отправиться к берегу. Наверное, Пигмалион узнал, где мы нашли приют, и снарядил корабли, стремясь вернуть себе отцовское золото. Скорее предупредим стражу!

– Конечно, – кивнула Анна и легонько ударила по медному кувшину. В проеме покоев сразу возникла гибкая, тонкая, как тень, рабыня с полупрозрачными плащами-накидками, в которые госпожи облачались для защиты от палящего солнца. – От нашего брата можно ожидать чего угодно!

Подгоняемые попутным ветром, судна быстро приближались к берегу...

– Как много кораблей! Около двух десятков! – прошептала Дидона, щурясь от солнца. Долго смотреть на море было больно: синяя гладь, отражавшая потоки солнечных лучей, блестела, как рыба чешуя. – Стал бы наш брат снаряжать столько людей для того, чтобы умертвить своих слабых, несчастных сестер?

Анна пожала плечами:

– Должно быть, Пигмалион узнал, что стены Карфагена крепки и наша новая земля процветает благодаря милости богов. Ты думаешь, что он много людей снарядил, чтобы нас уничтожить? Но ведь и у Карфагена теперь войска довольно. Хотя...

Дидона сразу же поняла, почему сестра запнулась, и обрадованно улыбнулась.

Корабли подошли так близко, что стали уже видны палубы, а на них – люди, пытающиеся спустить на воду остроносую лодку. Не похожи эти люди на свиту Пигмалиона!

Вот уже причаливает к берегу первая лодка, следом стремительно летит вторая. На белоснежный песок, с опаской косясь на вооруженную луками и мечами тирскую свиту, ступают мужчины в богатых красивых одеждах. Такие короткие хитоны не носят в Тире! А еще между прибывающими путниками выделяется один мужчина... Как он красив! Лыняные волосы, голубые глаза, ровный профиль, четко очерченные вишневыe губы... Загорелые руки бугрятся мышцами, прекрасная, крепкая, широкая грудь, узкие сильные бедра, едва прикрытые краем платья. Звенит закрепленный на поясе золотой кинжал.

И вот этот красивый сильный воин идет ей навстречу, держа за руку... маленького мальчика. Ребенок хорош собой, словно Купидон, – пухленький, с золотистыми кудрями. Малыш чем-то похож на воина, но их близость подчеркива-

ет и существующие между ними различия – силу мужчины и трогательную детскую хрупкость...

– Приветствую вас, прекрасные богини! – обратился он к сестрам. – Не могу не восхититься: красота ваша сияет ярче солнца! Я – Эней. Вся наша свита приплыла из Трои. Мы вынуждены были бежать после того, как данайцы разорили наш город. Подскажите, на чьих землях мы теперь находимся? Наши корабли пострадали от бурь и нуждаются в ремонте. Здесь можно остановиться для отдыха? Кто правит здесь?

Мужчина продолжал учтивую приветственную речь, но Дидона уже почти не различала смысла произносимых им слов.

«Эней, Эней, его зовут Эней», – пело ее глупое и уже отчего-то счастливое сердце.

Голова кружилась, щеки полыхали пламенным огнем.

– Конечно же, здесь вы найдете все: и отдых, и воду, – кивнула Анна. – Наши слуги помогут вам починить корабли. Добро пожаловать в Карфаген! Здесь правит моя сестра – царица Дидона. Мы всегда рады добрым гостям. Давайте устроим роскошный пир. Ведь слава Трои этого достойна!

– Да-да, конечно, – торопливо кивнула Дидона, поняв, что ее буквально раздирают противоречивые желания – смотреть как можно дольше в ласковые голубые глаза Энея и одновременно скрыться от гостя подальше, чтобы не оскорбить этой вспыхнувшей страстью памяти дорогого

мужа. – Мы устроим пир и с удовольствием послушаем рассказы о ваших странствиях. Хотя, конечно, сначала вам лучше отдохнуть после тяжелого пути. Особенно малышу!

– Это мой сын, Юл. – Улыбнувшись, Эней потрепал мальчика по мягким золотистым волосикам. – Из разрушенной Трои мы пытались убежать вчетвером: я, сынок, моя жена, Креуса, и мой отец, Анхиз. Вокруг все пылало, рушилось... Креуса погибла среди горящих развалин.

– Здесь вы в безопасности. Я попрошу, чтобы рабыни позаботились о мальчике, – произнесла Дидона, втайне испытывая лишь одно желание – поскорее оказаться в объятиях Энея и зачать от него сына, такого же красивого, как Юл. – Мои слуги проводят вас – прохладные удобные покои нашей Бирсы готовы встретить славных странников...

Как и требовал от них учитель ораторского искусства, с которым дочери тирского царя начали заниматься, едва лишь их отняли от груди кормилицы, Дидона вежливо и подробно заверила гостей в искренних намерениях предоставить им кров. А в голове ее вертелось множество указаний, которые требовалось отдать слугам.

Во-первых, надо расстелить в обеденной зале ковры с замысловатыми узорами.

Ложа вдоль длинного стола, на которые возлягут правительницы Карфагена и их гости, надлежит укрыть праздничными пурпурными материями.

Посуду следует поставить самую лучшую, золотую и се-

ребряную, она была изъята из казны Пигмалиона и в обычные дни не использовалась, а хранилась в специальном покое, охранявшемся дюжиной стражников.

И, разумеется, следует подать лучшие яства – самые разнообразные: и свежие оливки, и жареную оленину, и мягкий хлеб, и сочные фрукты. Юлу, должно быть, по вкусу придутся сладкие лепешки: одна из рабынь – большая мастерица их готовить...

Все – для Энея. Все для... любви?

«Да! Да! – бьется пульс в висках. – Я полюбила его, как только увидела».

Однако есть ли в сердце Энея место для взаимного чувства? Может быть, он все еще тоскует по своей погибшей жене?..

Ответов на эти вопросы Дидона не знала.

Но на пиру глаза ее гостя все сказали ей без слов.

Дидона смотрела в них – они были такими синими, ласковыми, обещавшими счастье – и не могла наглядеться.

А Эней, утолив первый голод и пригубив вина из золотого кубка, приступил к рассказу...

Боль несказанную вновь испытать
велишь мне, царица!

Видел воочию я,
как мощь Троянской державы –
Царства, достойного слез, –
сокрушило коварство данайцев;

Бедственных битв я участником был;
кто, о них повествуя,
Будь он даже долоп, мирмидонец
иль воин Улисса,
Мог бы слезы сдержать?..⁵

Эней, волнуясь, говорил о том, как данайцы обманули жителей Трои: оставили у стен города огромного деревянного коня, а сами исчезли. «Это жертва, принесенная нам побежденным противником», – решили троянцы и втащили в город тяжеленного коня. В нем же скрывались воины коварного неприятеля. И завязалась битва, победить в которой троянцы уже не смогли, хотя прежде им всегда хватало сил для защиты своего города. Слишком уж неожиданным оказалось нападение. Кто бы мог подумать, что множество воинов уместятся в жертвенном коне!

– Благодарю за приют вас, прекрасные богини Карфагена! Спасибо за пир, за великолепные яства. Теперь же...

Эней соскользнул с ложа и подошел к золотому ларцу, который перед началом пира троянцы оставили у дверей.

Когда гость начал извлекать находившиеся там предметы, по зале пронеслась волна восхищенного шепота.

Сначала Эней вынул расшитый золотом плащ, сиявший ярче самого яркого солнца даже в приглушенном свете факелов. Потом достал шафранный покров для ложа – с причуд-

⁵ Отрывок из «Энеиды» Вергилия.

ливыми тонкими узорами, напоминавшими листья аканта.

– Здесь лежит и жезл, в прежние дни его носила Илиона, старшая дочь Приама – царя. Ожерелье из жемчугов, а еще...

Дидона замерла.

Эней приблизился к ней, в его руках переливался и сверкал золотой венец, украшенный драгоценными камнями.

Венец состоял из двух ободков. Выложены они были изумрудами и сапфирами, такими крупными, что разноцветные огоньки пригоршнями рассыпались вокруг, отражая попадавший на камни свет. А между двумя ободками – искусно сделанные фигурки, соединенные словно в хороводе: дивные золотые цветы, бабочки, птицы... Этот райский фигурный сад, отлитый из золота, украшен и многоцветными алмазами...

– Прими же, Дидона, в знак нашей благодарности эти дары, спасенные из великой Трои. – Эней поклонился и осторожно снял с головы царицы золотой обруч, которым та закрепляла тяжелые локоны. – Этот венец прекрасен! И все-таки он недостоин твоей красоты, которая сияет ярче золота и покоряет все сердца!

– Благодарю за дары, досточтимый Эней. Я буду всегда носить этот венец, и...

Она запнулась.

Горячая рука Энея вдруг нашла в складках хитона маленькую ручку Дидоны... и нежно ее пожала!

Влюбленная, взволнованная, царица Карфагена совер-

шенно забыла о недобрых предчувствиях, которые с раннего утра заставляли хмуриться ее тонкие брови.

Она забыла о них, но совершенно напрасно...

* * *

Фонари в парке почти не горят.

В разлившейся, как море, темноте скрывается угроза.

Пронизывающий ветер нагнал на небо облака, и в чернильной мгле ночи не видно даже слабых отблесков луны и звезд. Но темнота сама по себе не опасна. Просто именно теперь в ней затаилась беда...

Быстрее!

Скорее!

Лица Вронская бежит по аллее, ветки хлещут ее по лицу, каблуки вязнут в земле.

Звуков погони не слышно, но от этого только хуже...

В ночном черном безмолвии ее шею вдруг обжигает чужое дыхание, ледяные пальцы стискивают плечи, живот вспарывает боль.

– Ты тоже убивала меня – ножом, острым. Ты резала меня на кусочки. Тварь, тварь! Теперь ты понимаешь, как это больно?!

Лица хочет сказать, что все это было не по-настоящему, лишь в ее воображении. Она никогда в своих детективах не описывала в качестве жертв и преступников реально су-

ществовавших людей. Детектив на самом деле вовсе не такой уж кровавый жанр, смакующий жестокие подробности, – наоборот, преступление проходит по сюжету схематично: главное – не преступник, а торжество справедливости.

Она хочет высказать все это, но не может произнести ни слова. От резкой боли у нее перехватило дыхание, в глазах темнеет...

– Лика, Лика! Проснись! Почему ты так стонешь? Солнце мое, просыпайся!

Действительность особенно прекрасна по контрасту со сном.

Лика улыбается устроившемуся в соседнем кресле Андрею, и стюардессе в красном костюме, и проносящимся за иллюминатором ватным облакам.

– Волнуешься из-за того, что нашу Даринку пришлось оставить с родителями? Но ведь это правильное решение. Она и без перемены климата часто простужается, болеет тяжело и долго. А тебе надо отдохнуть.

Бойфренд говорит о дочке «наша Даринка»⁶.

Он сделал ей потрясающий сюрприз: в разгар промерзшего московского декабря увез в жаркое лето. Уже совсем скоро, буквально через пару часов, ей предстоит любоваться тунисским островом, где расположен клубный отель, купаться

⁶ Отец ребенка Лики Вронской трагически погибший музыкант Влад Резников. См. роман О. Тарасевич «Роковой роман Достоевского»; более подробно о знакомстве Лики Вронской с Андреем Ермоловичем см. роман О. Тарасевич «Подарок Мэрилин Монро», издательство «Эксмо».

и загорать.

Да, все в ее жизни изменилось с появлением этого мужчины.

Можно больше не бояться, что сломается автомобиль, не переживать из-за множества прочих бытовых мелочей. Андрей всегда рядом, он всегда и во всем ей помогает. Даже умудряется избавить ее от сонных кошмаров, частых спутников автора детективных романов...

– Конечно, я беспокоюсь о Дарине. – Лика взяла Андрея за руку и невольно вздрогнула, как от легкого удара током. – Но сейчас меня все-таки больше волнует другое. Наверное, я слишком быстро написала последний роман, слишком напряженно работала и очень уж глубоко «вошла в образ». Придуманный мною маньяк не отпускает меня, снится каждую ночь. Вот и в самолете подремать не удалось.

– Может, тебе лучше попробовать сочинять книги в другом жанре? Или вообще ограничиться только журналистикой? А что? Будешь писать статьи для своей газеты. Все равно ты уже написала кучу книг, на полке не умещаются. Или слава Дарьи Донцовой тебе покоя не дает?

– Мне не дает покоя творческий зуд. И потом, сочинение романов и журналистика – это разные вещи. Я никогда не откажусь от газеты, потому что, работая в ней, я постоянно встречаюсь с новыми людьми, узнаю что-то необычное. Газета дает мне возможность увидеть жизнь во всех ее проявлениях, я ведь любопытная. Но для газетной статьи ну-

жен в принципе только фактологический минимум. Время сейчас такое – не принято «парить» мозг читателю. Согласись, журналистика очень сильно изменилась со времен перестройки – статьи стали короче, аналитических выкладок и авторских комментариев – меньше. Это называется «клиповое сознание».

– Какое сознание?

– Клиповое: быстрая смена картинок, как в клипе. Представляешь, как человек переключает каналы: посмотрел кусочек одной передачи, там началась реклама – он щелкнул кнопкой и попал на другую программу. То же самое теперь требуется от газеты: информация, которую легко воспринимать. А у меня слишком много различных эмоций и мыслей для изложения их в стандартном материале, мне тесно в журналистских рамках. Зато все это богатство я прекрасно использую в книгах.

– Тогда меняй жанр, – буркнул Андрей. На его красивом лице с «улыбчивыми» морщинками в уголках глаз промелькнуло выражение обиженного мальчика. – На фиг такое творчество, если после него кошмары снятся?! Мне тебя жалко!

Лица пожала плечами.

Конечно, безумно приятно, когда любимый мужчина так сильно о тебе заботится и переживает.

Легко сказать: «Меняй жанр!» Менять, но на что? Фэнтези? Придуманый мир никогда не станет настолько интересным, как судьба какого-либо человека. Нет, это, конеч-

но, не значит, что фэнтези – плохой жанр, есть очень много талантливых писателей, и их необузданная фантазия позволяет им сочинять классные книги. Но лично ей, Лике Вронской, последний бомж интереснее самого прекрасного эльфа. Просто потому, что бомж – живой человек, со своей судьбой, проблемами, страхами и надеждами...

Любовный роман? Отличный жанр, в его рамках можно отобразить прекрасные чувства, отношения между мужчиной и женщиной. Это интересно, трогательно, сексуально. И... и все-таки – слишком тесно. Жизнь человека куда многограннее, чем любовные чувства к представителю противоположного пола. В идеале для полного, гармоничного развития личности любовные отношения должны быть только частью, важной, но все-таки частью жизни. Если любовь становится синонимом бытия в целом, то человек не реализует себя в карьере, не создает столько, сколько мог бы...

– Я считаю детективный жанр самым лучшим. – Лика достала из рюкзака коробочку с леденцами, протянула ее Андрею. – Возьми конфету, самолет снижается, у тебя уши может заложить... Так что, наверное, пока все-таки в моей работе не будет кардинальных изменений. Я делаю то, что люблю и что мне интересно. Я очень надеюсь, что мне удастся этими романами развлекать людей. Ну а кошмары... У меня теперь есть ты. И мне уже ничего не страшно. Ну, почти ничего.

Андрей вопросительно приподнял брови:

– Почти?

Вместо ответа Лика засунула ему в рот конфету.

Да-да: «почти ничего не страшно». Иногда все-таки у нее возникали опасения, что ее красивый, успешный и внимательный бойфренд, живое воплощение девичьих грез, вдруг исчезнет из ее жизни так же внезапно, как и появился.

Андрей – очень привлекательный мужчина. Такие выразительные лица хорошо размещать на обложках глянцевого журналов или в женских эротических фантазиях.

Его путь в бизнес, как и у всех российских предпринимателей, сложно было бы назвать идеальным. Однако Андрей из всех сил стремился работать честно, хотя это и не всегда было возможно. Стерильной среды обитания не бывает, идеальных людей не существует. Но важно, наверное, само стремление стать лучше. И поэтому Андрей занимается благотворительностью, он всегда готов прийти на помощь друзьям, а уж свою любимую вообще на руках носит.

Все это слишком прекрасно, чтобы быть правдой!

А вдруг скоро, как в сказке, часы пробьют двенадцать – и «Мерседес» превратится в тыкву, а прекрасный принц – в чудовище?..

В конце концов, вокруг столько симпатичных молоденьких девчонок... Конечно, на собственную внешность Лике грех пенять: блондинка с зелеными глазами вполлица, со стройной фигурой. Здоровый образ жизни и позитивное мышление очень способствуют задачам приобретения и со-

хранения красоты. Однако все-таки тридцать лет с небольшим хвостиком – это не двадцать...

Но все эти мысли надо гнать поганой метлой. Нельзя позволять им пускать корни в сознании. Страхи ослабляют, отравляют, разъедают счастье, как ржавчина.

Надо думать о хорошем. И тогда все будет хорошо!

Лица Вронская с любопытством повернулась к иллюминатору, за которым стремительно приближались голубой лоскут моря, желтый песок пустыни, цепочка зданий, протянувшихся вдоль черной ленты шоссе.

Она смотрела в окно, даже не подозревая, к насколько крупным неприятностям ее несет судьба...

* * *

Центр Туниса⁷ напоминает Париж: изящно спроектированные улицы и бульвары, кафе с вынесенными на улицу столиками, бутики, роскошные гостиницы.

– Мне нравится этот город. Как здесь красиво, правда?

– Я с вами полностью согласна, – отозвалась Кристина Дорохова, машинально отметив: у таксиста, везущего ее из аэропорта, сильный французский акцент.

Впрочем, ни мелькавшие за окнами желтого «Форда» улицы города, ни улыбчивый разговорчивый мужчина, ведущий

⁷ Столица государства Тунис также носит название Тунис.

машину, ее совершенно не волновали.

Мысли молодой женщины вертелись исключительно вокруг черной орхидеи.

Уже скоро, буквально через четверть часа, она увидит «дендробиум блэк черри»! Невероятный, фантастический, с округлыми бордово-черными цветками. Лепестки напоминают зрелую темную черешню – отсюда и название этого вида орхидей.

Ох уж эти черные орхидеи! Редкие дорогие сорта обладают бордово-фиолетовой, до черноты, насыщенностью цвета, но это все-таки не черный оттенок.

По-настоящему черных (как и голубых) орхидей до сих пор не существует. Несмотря на все достижения науки, не удалось получить хотя бы гибрид, максимально приближенный к этим двум заветным оттенкам.

«Дендробиум блэк черри» упоминается только в научных трудах, где описаны все сорта и виды орхидей, и в редких гербариях. Ни в природе, ни в чьих-либо коллекциях такого растения на сегодняшний день не сохранилось. Почему? Как многие дендры, «блэк черри» нуждается в периоде холодного сухого покоя. Коллекционеры орхидей долгое время об этом не знали, поэтому имевшиеся у различных людей черные красавицы со временем перерождались. Потепление планетного климата оказалось непереносимым испытанием для природного распространения многих видов.

– Приехали. Мне подождать мадам здесь? – спросил так-

сист.

В другой ситуации Кристина обиделась бы.

Мадам... не мадемуазель! Неужели ее возраст, несмотря на все косметологические ухищрения, все-таки дает о себе знать?

Однако сейчас она даже не отреагировала на столь почтенное обращение.

Просто жадно пожирала глазами все приметы типичного восточного квартала.

Двухэтажные домики, сохнувшее на веревках белье, оживленно переговаривающиеся темноволосые женщины, галдящая чумазая ребятня, пыль и грязь...

Неужели где-то здесь находится ее прекрасная, роскошная, изысканно-черная «орхочка»?

В это просто невозможно поверить!

«Впрочем, Наташа писала мне, что вышла замуж за тунисца, переехала в эту страну из Санкт-Петербурга. Девушка уже давно увлекалась орхидеями, не оставила она своего хобби и здесь. И случайно увидела «блэк черри», растущую прямо на местных горных склонах. Тунис находится недалеко от Италии, теоретически дендр мог попасть сюда отсюда. – Кристина достала портмоне, задумчиво посмотрела на столларовую купюру. Счетчик показывает тридцатку – в динарах. Интересно, принято ли здесь давать сдачу? – Наташа сфотографировала растение и написала в сообщество любителей орхидей, которое я возглавляю. Когда я увидела

снимок, у меня задрожали руки... Я попросила ее прислать дополнительные фото, потом, убедившись, что это действительно «блэк черри», посоветовала девушке аккуратно пересадить растение и начала собираться в дорогу. Но теперь... теперь мне почему-то страшно... Какие-то очень нехорошие предчувствия у меня возникли, и они становятся все сильнее и сильнее...»

Сдачу ей таксист отсчитал, правда, в местных деньгах. А потом еще раз уточнил:

– Я подожду мадам здесь?

Пожав плечами, Кристина кивнула.

Очень у нее почему-то тревожно на душе...

Женщины, стоявшие перед ближайшим домом, замолчали и настороженно рассматривали машину, ее и таксиста.

Да, здесь, конечно, не Мексика или Венесуэла, где убивают за пару долларов. Но все-таки береженого и бог бережет...

Она вышла из машины и быстро зашагала вперед.

– Здравствуйте! Я ищу Наташу. Русскую девушку, она живет здесь. Вот ее адрес. – Убедившись, что большинство женщин понимают английскую речь, Кристина расстегнула сумочку и достала блокнот, где были записаны координаты счастливой обладательницы «блэк черри». – Пожалуйста, помогите мне найти ее.

– Я живу в этом квартале уже пять лет! – искоса посмотрев на записи, отозвалась молоденькая симпатичная женщи-

на в длинной темно-синей одежде. – И я совершенно точно уверена, что здесь нет никаких русских девушек. Правда, недавно к нам переехала семья из Марокко.

– Как это нет никакой русской девушки?! – с отчаянием воскликнула Кристина. – Вы уверены?

Впрочем, это восклицание носило исключительно эмоциональный характер.

А на уровне логики ситуация уже была ею полностью разложена по полочкам.

Все-таки работа финансового аналитика накладывает отпечаток на характер человека, и иногда мозг рефлекторно начинает функционировать как супермощный производительный компьютер.

Все ясно и понятно.

Увы: «блэк черри» никаким чудесным образом не сохранилась.

Вся эта поездка – одна большая мистификация, затеянная для того, чтобы ведущая самого популярного сообщества любителей орхидей оказалась в дураках. Сначала обрадовалась бы, бросила все и полетела в Тунис, потом – разочаровалась бы...

Фотографии, разумеется, как следует обработаны средствами фотошопа. Инициатор этой мистификации прекрасно разбирается в изысканных цветах.

Надо отдать ей должное: Марина (конечно, никакой Наташи не существует в природе, как не существует и черных

орхидей; все это устроила Маринка из конкурирующего сообщества!) потрудилась на славу. Она нашла в гербарии орхидей редкий исчезнувший вид, относительно правдоподобно описала условия, в которых чудесным образом вдруг обнаружилось растение...

Ради чего кто-то приложил столько усилий?

Ответ прост: зависть!

Какое-то время Марина пыталась вести собственное сообщество, потом, в целях дополнительного заработка, сделала его платным. Количество участников сразу снизилось: ведь есть много аналогичных бесплатных сообществ и форумов. Попытки договориться с модераторами других организаций о введении платы за членство успеха ей не принесли. В конце концов, Марина разругалась со всеми московскими любителями орхидей. Да еще и, как выяснилось, затеяла эту месть...

– Куда отвезти мадам теперь? – поинтересовался таксист, когда Кристина, еле сдерживая слезы, опустилась на сиденье машины.

А и правда, куда ей теперь?..

В аэропорт?

Или, раз уж она все же приехала, стоит остановиться в гостинице, посмотреть страну, пройти по цветочным магазинам?..

«...Знаете, что я теперь готов выкрикнуть в лицо первому встречному европейцу? Что я мог бы запросто перерезать ему глотку!

Почему?..

Не надо никакой особой причины, когда ты голоден и понимаешь, что всегда будешь голоден. А вокруг все только тем и занимаются, что набивают желудки!

Ненавижу свою жизнь, ненавижу!

Это такое отчаяние, такая безысходность...

Сейчас вечер.

От голода кружится голова.

Как обычно в этот час, я стою на набережной Порт-эль-Кантауи.

Пожалуй, в этом районе самая высокая концентрация богатых туристов во всем Тунисе. Когда-то здесь, недалеко от Сусса⁸, располагались только яхт-клуб и небольшой ресторанчик, где обедали в основном судовладельцы. Однако район очень быстро застроили роскошными виллами. Потом вдоль побережья появились шикарные отели. Теперь Порт-эль-Кантауи стал таким местечком, которое вполне могло бы располагаться на Лазурном Берегу или где-то

⁸ Один из основных туристических курортов в Тунисе.

в Италии. В этой роскошной мешанине автомобилей, яхт, ресторанов и особняков нет ничего от истинного Туниса. Арабской речи не слышно. Увидеть здесь женщину, пусть и не носящую хиджаб, но хотя бы одетую не по-европейски, – большая редкость. И даже запахи тут иные – ароматы дорогого парфюма, кофе с молоком, жареного с чужими, а не с нашими традиционными специями мяса. Продавцы в магазинах ведут себя приветливо, но отстраненно. Никто не кричит, как в лавочках медины⁹: «Лучшие кожаные босоножки! Дешевле не бывает!»

Впрочем, наверное, от нашей страны все-таки кое-что осталось – на набережной.

Такие парни, как я! Днем мы лениво играем в волейбол на пляже или сидим в прохладе в центре талассотерапии. Поймав заинтересованный женский взгляд, обрадованно улыбаемся. Как правило, выкрикивать что-то вроде: «Специальная цена, только для вас, мадам!..» – не требуется. Большинство туристок, приезжающих в Тунис, уже знают: в наших краях полным-полно красивых мальчиков, которые за символическую плату подарят любой женщине немало сладких мгновений. Да, нас можно запросто купить, как покупают парео или бейсболку; заказать, как заказывают массажиста в номер или стакан сока. Всего двадцать долларов – и через час мадам, довольная, с покрасневшими щеками, поблагодарит юношу за потрясающий секс...

⁹ Восточный рынок.

В хороший месяц работа приносит мне долларов двести, а то и триста. Для европейцев это не деньги – неделя пребывания в шикарном тунисском отеле стоит в несколько раз дороже. Европейцы вообще зарабатывают намного больше нас; а когда у тебя полно денег, наверное, их легко тратить.

Вроде бы двести-триста долларов, по нашим меркам, неплохой доход. Зарплата в отелях куда меньше (хотя устроиться туда нереально, в отелях работают целыми семьями, и, если вдруг освобождается место, его получает человек только из членов семьи, уже имеющей там работу). Продавец в лавке хорошо если раз в неделю наторгует долларов пятнадцать. Так что доходы от продажи мужского «достоинства» считаются достаточно высокими. Многие парни хотели бы заняться такой работой, найти другую в нашей стране очень и очень сложно. Но не все мужчины молоды и красивы. Вроде бы я зарабатываю достаточно. Однако после смерти отца я являюсь единственным работающим мужчиной в семье. У меня три незамужних сестры и мать, и я должен заботиться о них.

Все деньги я отдаю им, себе оставляю немного, на еду. Конечно же, родные не знают (или делают вид, что не знают?), чем именно я зарабатываю на жизнь.

По большому счету, даже в неплохие времена я не могу себе позволить многих вещей, которые кажутся естественными для европейцев. Я никогда не пью кофе в кафе, не ку-

рю кальян (и уж тем более сигареты, ведь они стоят очень дорого), и я сам готовлю обед из самых дешевых продуктов. Очень редко позволяю себе потратить несколько динаров в интернет-кафе. Как-то глупо уточнять – собственного компьютера у меня, естественно, не имеется.

О будущем я стараюсь не думать.

Слишком страшно.

Пугающих меня вопросов так много...

Как собрать приданое для сестер? Неужели из-за того, что в нашей семье нет денег, они никогда не выйдут замуж? Неужели у меня никогда не появится собственной семьи?

Что будет со мной, когда безжалостное время отметит мою кожу морщинами?

А если вдруг я заболею? Недавно мой приятель, ублажавший богатеньких дамочек, умер от СПИДа. Презервативы иногда рвутся, и всегда думаешь: пронесет, ничего страшного. Но везет далеко не всем и не всегда...

Я думаю об этом и о всякой всячине, стоя на набережной.

Заманчивая, прекрасная жизнь окружает меня.

Я вижу огоньки роскошных яхт, из ресторанов доносится счастливый смех, слышна оживленная болтовня. Меня обволакивают упоительные ароматы вкусной еды, и мой голодный желудок живо реагирует мучительными спазмами.

Призывно улыбаюсь проходящим мимо женецинам, но они лишь отмахиваются от меня, как от надоевшей собачонки.

Наверное, это происходит потому, что я выгляжу жал-

ко.

Сглатывая слюну, я смотрю на горящие окна отелей.

И я, и люди, которые находятся в тех прекрасных зданиях, – все мы видим одни и те же морские волны, наслаждаемся одним и тем же солнцем.

Но почему у нас такая разная жизнь?

Если бы я только знал, кто виноват в этом...

О, я бы отомстил! Я бы сделал все что угодно! Нет сил больше жить так, как я живу, – иметь только самые простые цели и желания и понимать, что никогда, никогда они не исполнятся...»

– Писатель, мы приехали!

Водитель маршрутки бесцеремонно толкнул Салаха в бок. И молодой мужчина, пряча старенький «наладонник» в карман куртки, гневно сверкнул глазами.

Да, он – писатель! Может быть! И водителю совершенно незачем так саркастически улыбаться!

А вдруг ему повезет, удастся написать книгу? И ее издадут, и она принесет ему деньги?

Тогда, по крайней мере, у него найдется занятие на зиму. Зимой в Суссе практически нет туристов, а значит, нет и клиенток, желающих хорошо провести время. Приходится перебираться на зиму в Тунис, здесь больше возможностей получить хотя бы временную работу.

– Эй, сколько ты заплатил? – посмотрев на пару монет,

протянутые ему Салахом, возмутился водитель. – Здесь нет даже трети необходимой суммы!

– В другой раз! – крикнул Салах, отодвигая дверцу микроавтобуса.

Секунда, и он уже ловко выскочил из машины.

Вслед ему понеслись ругательства и пронзительный свист...

Очень хочется побыстрее убежать, скрыться от нескольких пар глаз, бывших свидетелями его недавнего позора.

Но сил, чтобы хотя бы немного ускорить шаги, у него нет.

От голода действительно кружится голова.

«Только бы найти работу! Иначе мне придется продать КПК, а как тогда писать книгу? – с отчаянием думает Салах, отворачиваясь от заманчивых витрин фруктово-овощных лавочек. – Эта машинка очень неудобная, у нее маленький экранчик, такую старую модель невозможно подключить к Интернету. Но другой-то нет! И денег нет тоже, вообще ни одного динара... Я должен найти какой-то выход, я должен вырваться из этого замкнутого круга нищеты...»

В узких улочках – венах медины – что-то было не так. Множество лавок закрыты, а работающие продавцы не расхваливают свои товары, а о чем-то оживленно беседуют друг с другом.

Отводя взгляд от источавших упоительные запахи жареного мяса дверей и окон маленьких кафе, Салах шел вперед и вдруг замер как вкопанный.

Нет, в стоявших чуть впереди двоих мужчинах, пожилom и молодом, не было ничего особенного. Черные шапочки на-двинуты на смуглые лбы, кожаные куртки застегнуты на все пуговицы – зимой в Тунисе так одеваются многие местные. Однако у них в руках... Это что-то невероятное! Глазам Са-лаха стало больно, когда он заметил блеск золота и драго-ценных камней...

Мужчины не увидели случайного свидетеля беседы и про-должали общаться как ни в чем не бывало.

– Я предлагаю хорошую драгоценность за невысокую це-ну. Вещь старинная. Думаю, любой музей за нее и миллиона долларов не пожалеет! Я хочу совсем немного, – заявил мо-лодой тунисец, размахивая руками.

– Почему же ты так дешево запрашиваешь? Миллион дол-ларов стоит, а ты мне ее предлагаешь всего-то за пятьдесят тысяч?

На губах пожилого мужчины заиграла вежливая улыбка, но напряженные глаза, похоже, видели все потаенные мысли продавца насквозь.

– Не хочу, чтобы такая дорогая вещь была в моей лавке. Опасаюсь кражи. И еще... я буду с тобой честен. С этим зо-лотом что-то не в порядке. У меня жена заболела, не встает с постели. Так что мой тебе совет: долго у себя этот венец ты не держи, продай его побыстрее.

– Мне надо подумать. Поговорить с людьми, попытаться найти покупателя...

– Хорошо, подумай, – согласился парень, забрав из рук собеседника золотое украшение. Он опустил венец в пакет и, махнув пожилому рукой, двинулся вперед.

«Воровство – большой грех, Аллах никогда меня не простит», – подумал Салах, незаметно следуя за парнем по узкой улочке медины...

* * *

– Напоминаю о том, что мы выучили на прошлом занятии. Сальса танцуется на четыре счета. Женская партия, основной шаг: правая ножка назад, с выносом бедра, левая – вперед, покачали... У мальчиков все наоборот: правая нога вперед, левая – назад. Мужчины, смотрите на Сережу! Потом боковые шаги: раз-два, раз-два! Сильнее качайте бедрами из стороны в сторону, сильнее!..

Катя чувствует, что немного запыхалась. Даже говорить ей сложно, дыхание сбивается.

...Вот что дальше: Сергей понимает ее без слов и берет инициативу проведения занятия на себя, выходит вперед, давая партнерше возможность отойти к станку у зеркал и немного передохнуть.

Катя старается успокоиться.

Глубокий вдох, спокойный выдох...

Все это, конечно, просто ужасно! В двадцать пять лет победительница соревнований по бальным и клубным танцам

не может запыхаться оттого, что всего лишь провела разминку.

Впрочем, дело ведь не в нагрузке, а в душевной ране...

Пережить измену всегда непросто. Но если тебе изменяет партнер по танцам, он предает не только свою женщину – он предает танцевальную пару. И в итоге рушится не только личная жизнь, но и карьера.

«Все дело в том, что Сергей никогда не занимался балльными танцами. Сейчас на подъеме клубные танцы, и в профессию приходит множество случайных людей с минимальной хореографической подготовкой, – думала Катя, невольно любуясь убегавшими к горизонту синими волнами. – Как танцуют хастл¹⁰? Меняясь партнерами. За одно занятие каждая девушка в группе успевает перетанцевать со всеми парнями. В результате «ценность» и «значимость» танцевальной пары утрачиваются. Хотя на самом деле только регулярные тренировки в одной паре позволяют расти и совершенствоваться... Мы с Сережей арендовали зал, преподавали все что угодно – от румбы до стрип-пластики, – у нас были многочисленные группы. И он так легко разрушил все это! Да, потом он просил прощения. Я нашла это предложение о работе в Тунисе. Деньги тут платят небольшие, но после питерской сырости здешний климат – рай. Я думала, что со сменой обстановки мне будет легче простить Сергея. Ничего подобного! Каждая латиноамериканская мело-

¹⁰ Вид современных клубных танцев.

дия напоминает мне одну и ту же картину: Сергей танцует с Наткой и представляет, как потом они займутся любовью...»

Катя бросила взгляд на круглые часы, висевшие над зеркалом, и едва удержалась от изумленного возгласа.

Надо же, занятия уже почти подошли к концу! Осталось всего десять минут, надо успеть «прогнать» несколько раз связки – убедиться, что ученики (немец Ганс, француженка Эмилия и пара толстеньких американцев, Стив и Дженни) все разучили более или менее верно.

Потом (это уже традиция) щелкнуть пультом, включить диск с записью сальса-вечеринки «продвинутых» любителей. И пообещать ученикам, что, стоит им приложить совсем немного усилий, и они смогут двигаться точно так же, как и эти люди, изящно танцующие сальсу.

Сергей взял пульт, включил телевизор и пробормотал по-русски:

– Не может быть! Катя, ты глянь, это же Тунис!

В центре столицы действительно творилось что-то непонятное. И, пожалуй, даже пугающее.

Бежали в разные стороны толпы людей; кто-то бросал камни, а кто-то потрясал плакатами; пылали бутики; официанты спешно заносили столики в помещения кафе...

– Сегодня молодой житель Туниса совершил самосожжение. Он протестовал против невозможности найти работу, – перевела на английский Эмилия, единственная из всей груп-

пы немного понимавшая арабский, зазвучавший с телеэкрана. – Это вызвало невероятное возмущение граждан. Проблема безработицы очень актуальна для Туниса. Тысячи людей вышли на улицы, требуя, чтобы правительство приняло срочные меры...

* * *

– Как я волнуюсь по поводу последних событий! Не хотелось бы испортить отпуск. Как вы думаете, беспорядки в Тунисе – это ведь не очень серьезно, правда?

Ганс Винкельман недовольно посмотрел на Эмилию Мюрье: она сидела на нижней полке сауны, обхватив колени. Ее спина представляла собою просто душераздирающее зрелище: бледная кожа так плотно обтягивала позвонки, что отчетливо виднелась каждая косточка. Не женщина – анатомический экспонат для студентов!

– Ничего я не думаю об этих беспорядках! – буркнул он недовольно.

А про себя отметил: «Не показалось мне! Теперь я точно уверен, что нравлюсь этому ходячему скелету из Парижа. Она не упускает ни одной возможности поболтать со мной и при этом так многозначительно на меня поглядывает... Вообще-то женщины подобного типа считаются красивыми. Покажи я кому-нибудь фотку с этой куколкой – мои друзья обзавидовались бы. Но ложиться с ней в постель, колоть-

ся об эти кости... Француженке не помешала бы «диета», состоящая из жирной свинины и пирожных. Может, тогда у нее выросла бы попа! Впрочем, не в одной худобе тут дело. Конечно, я предпочитаю женщин с формами, и не только из-за фигуры. Мне кажется, что толстушки добрее, веселее. А вот такой «красивый» скелет может мужчине все нервы порвать...»

Из-за этих соображений у Ганса появилась слабая эрекция.

Он улыбнулся, заметив, что уши Эмилии, естественно, сидевшей в сауне в обнаженном виде, стали ярко-рубиновыми.

«Все-таки эти лягушатники заметно от нас отличаются. Они считаются самой сексуальной нацией в мире! Но разве это правда? Вот, например, эта француженка краснеет из-за совершенно естественных вещей. В какой-нибудь общей раздевалке берлинского бассейна на такую ерунду, как эрекция, я уверен, никто бы и внимания не обратил. Помню, когда я был во Франции, меня поразило, что в отдельную сауну французы заходят в плавках! Как это Эмилия еще не додумалась закутать свои мощи в простыню? Может, хочет произвести на меня впечатление?» – пронеслось у него в голове.

Впрочем, все эти мысли – секс, эрекция, тощая, как цыпленок, француженка – показались Гансу очень глупыми и ненужными.

Сделав глубокий вдох, он прислонился к стене, закрыл глаза и с наслаждением вспомнил, какие сувениры он выбрал

для своего небольшого магазинчика в Потсдаме.

О, из Туниса туда доставят просто отличные вещи...

Картины-мозаики, статуэтки из камня и дерева, керамические тарелки и декоративные медные кальяны. А еще – ковры, бусы, маски, костюмы для исполнения танца живота, длинные мужские рубашки, национальные тунисские тапочки с загнутыми носами...

Каждая из этих вещей была придирчиво выбрана среди большого ассортимента местных лавочек и заботливо упакована, что исключало малейший риск повреждения при пересылке.

– Стив, это ужасно! Ты посмотри, рядом с кем мы отдыхаем!

Услышав тоненький звонкий голосок Дженни (должно быть, американка и ее муж находились в полушаге от сауны, на шезлонгах возле бассейна SPA-комплекса), Ганс скептически хмыкнул.

Легка на помине эта Дженни!

Попка у нее ничего, аппетитная, есть за что подержаться. А вот мозгов, похоже, маловато. Как только ее муж выносит такую ворчливую жену! Да она же вечно всем недовольна, зудит и зудит с утра до вечера. То мясо слишком острое, то солнце излишне яркое... Муж ее – успешный фотограф, можно даже сказать – знаменитость. Во всяком случае, его фотографии печатают престижные журналы вроде «National geographic». Да этот Стив в два счета себе может

найти подружку с более легким нравом и не менее аппетитной задницей!

– Стиви, это не отель, а просто наказание! Я не понимаю, по какому принципу они выбирают клиентов! Почему они продают туры всякому сброду?! В отеле просто какое-то нашествие русских. Ты видел тех людей, которые недавно прилетели? Эта блондинка со своим спутником, похожим на бандита, – они такие подозрительные! Но вторая парочка еще круче! Брюнетка с каким-то арабом! Русская сучка притащила в клубный отель своего любовника!

Эмилия покачала головой и бросила на Ганса умоляющий взгляд:

– Надо выйти отсюда! Они же явно не знают, что мы в сауне. Сейчас Дженни дойдет до характеристики нас с вами. И как мы будем отдыхать рядом с ними еще десять дней?!

Ганс вздохнул и осторожно спустился с полки.

Француженка, конечно, тощий цыпленочек. Но иногда ей в голову приходят вполне дельные мысли!

* * *

Белоснежный домик с синими ставнями и ажурной решеточкой, скрывавшей балкон, в натуральном виде оказался намного эффектнее, чем на снимках в рекламном каталоге.

Лица Вронская быстро осмотрелась по сторонам и удовлетворенно кивнула головой.

Номер отличный! То, что надо для прекрасного, комфортного отдыха!

Новая, в идеальном состоянии, сантехника; огромная кровать, оригинальные светильники на стенах, напоминающие факелы. Вид из окна изумительный: сине-слюдяной кусочек моря в окаймлении пальмовых ветвей. А какой на пляже белоснежный песочек! Так и хочется поскорее на нем растянуться, впитывая всем телом особенно жаркое после заснеженной Москвы солнышко...

– Андрей, мне здесь так нравится! Какая погода потрясающая! Пойдем скорее плавать. – Лику, подпрыгнув, повисла на шее у своего бойфренда, одновременно пытаюсь выхватить из его рук пульт от телевизора. – Ты что, с ума сошел?! Телевизор – в таком раю?!

– Смотри, что творится, – прошептал Андрей, погладив Лику по голове.

Она выскользнула из-под его ладони:

– Ты что это меня гладишь, как собаку! Нормально, да?! Лучше бы кровать предложил обновить. Слушай, пошли на пляж, ну, пожалуйста...

На экране телевизора творилось что-то непонятное. Похоже, в Тунисе проходила многотысячная акция протеста. Вся площадь была заполнена людьми: кто-то держал плакаты с требованиями, кто-то выкрикивал лозунги.

Сюжет комментировал журналист с сильным американским акцентом, к тому же ему явно нравилось сокращать

слова. Тем не менее суть происходящего понять было возможно: эти люди требуют улучшения экономической ситуации.

– Как здесь все темпераментно происходит, – заинтересованно пробормотал Андрей и, осмотревшись, устроился в кресле напротив телевизора. – Вот русские никогда так массово не протестуют! Наверное, из-за того, что у нас климат другой.

– У нас наверное... – принялась гримасничать Лика, открывая большую черную сумку на колесиках. Где тут завалялись шорты, сланцы и купальник? – Уже отпротестовали в семнадцатом году. И меня, как мать, это только радует. Революции с воспитанием детей плохо сочетаются! Ладно, Андрей, ты как хочешь, а я пошла плавать. Досматривай свои новости и приходи на пляж.

Лика выскочила из домика немного раздраженная и... И уже через секунду широко улыбнулась.

Невозможно злиться, когда вокруг такая красота! Еще утром была Москва, и сугробы, и ледяной ветер умудрился искусать ей лицо... А сколько тех секунд прошло, пока она добежала из такси до входа в аэропорт, всего ничего.

Зато сейчас тем острее удовольствие от солнца, моря, ярких цветов, от собственной футболки с короткими рукавами!

Засунув руки в карманы вытертых джинсовых шортиков с бахромой, Лика деловито зашагала по выложенной белой

плиткой дорожке. И, запрокинув голову вверх (люди, здесь такое небо, это надо видеть!), не заметила ступенек и кубарем покатилась вперед...

Движение, тошнота, боль, мир вокруг нее лихорадочно кружится...

Сжаться в комок... предчувствие удара...

И это оказывается страшнее, чем само столкновение с каким-то препятствием – практически безболезненное.

Постанывая скорее от испуга, нежели от настоящей боли, Лика посмотрела по сторонам.

Нормально... Залетела в какие-то кусты.

Но в принципе под спиной ее явно какая-то мягкая поверхность вроде газона. И это только радует.

«Если бы я шмякнулась на камни, точно что-то сломала бы, – Лика осторожно пошевелила руками, потом ногами. – Кажется, обошлось! Колено ноет, наверное, ссадина. Но сгибается. Осталось только убедиться, что все в порядке со спиной. Я встаю, осторожно, осторожно и...»

Она приподнялась – и в ту же секунду пригнулась.

На участке перед домиком происходило что-то очень интересное.

Через французский балкон на газон перед домиком вдруг выбежала симпатичная темноволосая женщина. Та самая, которая летела внутренним рейсом из Туниса на Бо в обществе вызывающе красивого арабского парня. Женщина, судя по обложке ее паспорта, была россиянкой, но со своим

спутником она переговаривалась по-английски. Теперь в ее руках виделась небольшая спортивная черная сумка.

Однако дело было совершенно не в этой сумке! Казалось бы: ну что тут необычного, сумка и сумка, женщина хочет просто разобрать с дороги вещи, найти купальник и удобную обувь... Но у этой женщины было такое интригующе-таинственное выражение лица... Как будто она делала что-то противозаконное или предосудительное!

Брюнетка присела на корточки, завела за ухо непослушную выющую прядь волос и, осмотревшись по сторонам, расстегнула молнию.

В сумке оказался какой-то сверток.

Один лист газеты, другой, третий...

Порыв ветра не мог придумать ничего гуманнее, чем залепить бумагой ту щелочку в ветвях кустарника, через которую Лика наблюдала за происходящим.

Опасаясь разоблачения, Вронская все же проползла немного вперед, высунула голову... и едва удержалась от восхищенного возгласа.

Первая мысль, сверкнувшая в ее сознании, когда она увидела переливающиеся на солнце сапфиры, изумруды и бриллианты, была такая: «Корона российской империи!»

Конечно, великолепное ювелирное изделие, оказавшееся в руках у женщины, по форме не напоминало корону; скорее оно было похоже на состоявший из двух ободков обруч, скрепленный в центре декоративными элементами. Похожие

украшения в древности женщины надевали на лоб для того, чтобы придерживать падающие на лицо длинные волосы. Однако сияли камни, может, даже еще ярче, чем на короне самодержцев российских в известной кинокартине!

Глава 2

Карфаген, II век до н. э.

– Скажи всем скорее: Дидона решила устроить охоту. Пусть седлают моего коня, готовят лук и стрелы. Гончих собак не кормить. В прошлый раз додумались, дали псам еды, конечно, те, наевшись, не торопились бежать за дичью. И пусть принесут мое охотничье платье и длинный плащ!

Дидона отдает распоряжения насчет охоты, хотя на самом деле больше всего на свете ей хочется отдать рабыне другое указание: подготовить опочивальню к ночи любви.

Но, увы, наверное, ей просто померещилась страсть в том прикосновении Энея к ее ноге на пиру. С утра до вечера троянец занят починкой своих кораблей. Он готовится к отплытию. Похоже, никто и ничто не может удержать его в Карфагене.

Отпустив рабыню, Дидона задумчиво взглянула в окно.

Вот из конюшни выводят ее прекрасного вороного коня, отлично вычищенного, с лоснящимися боками. Он радостно ржет, гарцует, встряхивает гривой.

Вот рабы выносят все, что только может понадобиться на охоте, – сети, тенета, пики с широкими жалами.

Вот...

Да в это же невозможно поверить! Эней забирает у слу-

ги поводья коня царицы, и своенравный жеребец вмиг становится спокойным. А на поясе у троянца виден колчан со стрелами!

Эней!

Он больше не хочет чинить свои корабли!

Он тоже собирается на охоту!

Еще совсем недавно счастье казалось ей таким невозможным.

Но что, если оно... что, если оно все-таки возможно?..

Облачившись с помощью рабыни в охотничье платье, Дидона скрепила его край золотой булавкой, чтобы длинный подол не мешал ей скакать на лошади. И с колотящимся сердцем спустилась вниз.

– Могу ли я присоединиться к охоте Дидоны? – радостно улыбнулся троянец.

Она величественно кивнула, позволила Энею помочь ей сесть на лошадь. И поскорее умчалась вперед, молясь, чтобы мужчина не заметил, как дрожат ее руки, а на щеках пылают румянец.

Охота в окрестностях Карфагена обычно удавалась на славу. Добычей становились дикие козы, целые стаи которых резвились на горных склонах, или шустрые вепри, или отчаянно сражавшиеся до последнего вздоха лвы. Целые повозки, полные мяса, следовали после охоты в Бирсу.

«Но только сегодня все иначе, – пронеслось в голове Дидоны, и она растерянно обернулась, ища взглядом Энея. –

Я не вижу ни одного зверя! На голубом небе – а оно здесь всегда такое голубое, чистое – появилась огромная черно-фиолетовая туча, она стремительно приближается, дует пронизывающий ветер, начинается дождь...»

– Я вижу пещеру, там можно спрятаться от непогоды! Мы не успеем вернуться в крепость, нам надо переждать бурю! – прокричал Эней, спрыгивая с лошади. Он протянул к Дидоне руки, помог ей спуститься на землю. – Давай скорее в укрытие! Я привяжу твоего коня!

Не дожидаясь Энея, Дидона заспешила в пещеру, вошла внутрь – и охнула, завертела головой по сторонам.

В это было невозможно поверить!

Невозможно, но...

Царица Карфагена потеряла глаза.

Невероятное видение не исчезало.

Тут был зажжен кем-то алебастровый светильник. Через его резные узоры различался весело горевший огонек, отбрасывавший на поросшие мхом стены причудливые отблески.

А еще в пещере имелось самое настоящее ложе! Не узкое, на котором возлежат во время обеда, а широкое, какое ставят в опочивальне. Оно было покрыто мягкими звериными шкурами и усыпано лепестками роз.

Повсюду стояли вазы с живыми цветами, такими свежими, будто их только что принесли из сада рабыни.

– Невероятно, – пробормотал Эней, пройдя в пещеру. – Венера явно дает нам знак! Богиня словно благословляет те

слова, которые я собирался сказать. Дидона, ты... ты так умна и прекрасна! Невозможно не полюбить тебя. Я понимаю, что, может, не очень подхожу тебе по знатности рода. Но я люблю тебя! И очень буду стараться сделать тебя счастливой. Прошу: стань моей женой. Умоляю тебя! Ты согласна быть со мной?

Сердце Дидоны сжалось от волнения.

Все происходящее показалось ей чудесным сном.

Красиво убранная пещера, слова, которые ей так хотелось услышать, любимое лицо, полное тревожного ожидания.

– Я согласна, – прошептала она, боясь лишиться чувств. – Давно мечтала я назвать мужем...

«Смелого Энея», – хотела сказать Дидона. Но ее губы задрожали, принимая самый нежный на свете и такой долгожданный поцелуй.

Все было именно так, как себе и представляла Дидона.

Мягкими осторожными движениями Эней помог ей снять одежды, потом нежно увлек на ложе, и от прикосновений его рук ее обнаженное тело сделалось теплым и безвольным...

Все было в сто раз лучше, чем она могла себе представить.

Умелые ласки Энея, оказывается, способны подарить такое наслаждение, которое, кажется, познать могут разве что боги...

Как легко опьянеть от любви!

Как сложно заниматься государственными делами, когда единственное, что нужно в этой жизни, – целовать любимые

губы...

Советники докладывают: участились набеги на их границы, следует срочно укрепить оборону, усилить войско. Узнав о свадьбе Дидоны, Ямба разозлился до невозможности и даже вознес жертвы богам, чтобы те помогли превратить славный город в руины.

Но в сердце царицы нет больше тревоги.

Она ловит себя на том, что постоянно безмятежно улыбается. Ей кажется, что весь мир превратился в дивный райский сад. И что больше никогда не найдется места в ее сердце для печали.

О нет, Дидона совершенно не предчувствовала беду...

Тем страшнее ей было однажды проснуться среди ночи от ощущения мучительной боли и сильной тревоги. Проснуться, потянуться к любимому Энею... и не найти его на ложе.

Убили? Похитили?!

Звать стражу? Будить Анну?

Как, как ей поступить?! О боги!

Не зная, что предпринять, Дидона, заламывая руки, заметалась по опочивальне, потом выскочила в коридор, побежала между рядов колонн. Стражники, увидев царицу, тотчас пробудились от дремоты, вытянулись в струнку.

Дидона собиралась сказать им, что надо срочно отправляться на поиски Энея. Но невольно бросила взгляд в сторо-

ну моря, и слова застряли у нее в горле.

Пылают на берегу костры, в том самом месте, где стояли корабли троянцев с высокими мачтами.

Уже много времени прошло, и никакого ремонта давно не проводилось. Эней обещал остаться, а если так – зачем ему корабли?..

Он обещал остаться, но вот смотрите все – видна его прекрасная сильная фигура в отблесках ярких костров. Эней снова собирается в путь? Он хочет уплыть, не простившись? Но почему, за что?! Ведь не было ни ссор, ни размолвок!

Не теряя времени на разговоры со стражниками, в тончайшей ночной сорочке, Дидона полетела к морю.

– Эней, что случилось?! Я ничего не понимаю! Ты называл меня женой, обещал, что не покинешь меня, что мы всегда будем вместе. Пожалуйста, скажи, что я ошиблась. Что все это неправда – ты не готовишься теперь к отъезду... Эней! Почему ты молчишь?! – Не будучи в силах сдержаться, Дидона бросилась к мужу, попыталась дать ему пощечину, но он ловко перехватил ее ладонь. – Ненавижу тебя! Да ты просто предатель!

– Прости! Я не хотел тебя обидеть. Меньше всего я стремился сделать тебе больно. – Он склонил голову, прижался губами к маленькой теплой ладошке, и от этого поцелуя, такого знакомого и родного, из глаз Дидоны хлынули слезы. – Просто, понимаешь... мне было видение. Во сне мне явились боги и вдруг приказали покинуть и тебя, и Кар-

фаген. Они сказали так: «В Италию надо плыть Энею, чтобы дать тем землям сильных потомков, которые воздвигнут Рим. Помни о сыне! По праву ли ты лишаешь его царства римского?»

Дидона саркастически усмехнулась:

– О да, богам больше нечего делать, как только являться Энею в видениях! Не верю! Да скажи наконец правду: тебе просто стало скучно – со мной, в покое, без странствий и бурь. И ты решил сбежать – без всяких объяснений, под покровом ночи! Не надо морочить мне голову какими-то там видениями! Чем римское царство, куда ты направляешься, лучше земли Карфагена? Ты хочешь счастья для своих потомков? Так в чем же дело, здесь все для тебя есть – и земля, и я, влюбленная, готовая дарить тебе детей! Видение твое – пустые отговорки!

– Дидона... Я очень перед тобой виноват. Я действительно поступаю гадко. Но я не обманываю тебя. Все – чистая правда! Мне было видение, и я услышал глас бога... Сердце мое разрывается от горя. Но иначе я поступить не могу. Не могу! Конечно, я попрощался бы с тобой перед тем, как отправиться в долгий путь...

– Спасибо! Как мило – хотел попрощаться! Мой муж покидает меня! Слушай, ну почему ты совершенно обо мне не думаешь?! Ты что, не понимаешь: ты уедешь, а завтра тут будет войско Ярбы или другого африканского царя? И от меня, и от Бирсы ничего не останется – мне просто не простят

связь с тобой, меня уничтожат, потому что никогда женщины не отказывали местным царькам, а защитить меня больше никому... Эней, опомнись, я умоляю тебя!

Дидона смотрела в печальные любимые глаза и понимала: все троянцы бросили возиться с кораблями и только тем и занимаются, что подслушивают их разговор.

Какой позор! Какое унижение!

Эней бросает царицу Карфагена, дочь славного тирского царя Бела, прекрасную Дидону... Он бросает ее, как самую жалкую рабыню, и все это видят сотни людей.

Боги, боги! Есть ли у вас сердце?! Как можете вы позволить, чтобы та, которая один раз уже лишилась мужа и испытала невероятные мучения, сейчас опять теряла своего любимого?..

Как больно!

И ведь Эней знал о Сихее! Он знал о том, какой это был ужас – торопиться на брачное ложе, наткнуться на труп мужа, а потом еще и узнать, что с ним расправился родной брат невесты! Эней все знал – и все равно он собирается уезжать. Он увозит Юла, который стал ей ближе родного сына...

– Обними же свою Дидону, – шепчут ее онемевшие губы. – Любимый, всего лишь объятье... Я умираю!..

– Прости, не могу. Если я только прикоснусь к тебе, то никогда не смогу уехать. Я больше всего на свете хочу быть с тобой. Но воля богов такова, что мне надо отправляться в путь. Прости и прощай!

Он разворачивается и бежит к морю.

Сильный ветер едва не валит Энея с ног, однако он продолжает упрямо двигаться вперед.

– Потешилась сладко – и будет, царица. А я бы, признать-ся, не отказался в покои твои заглянуть, не стал бы бежать, как Эней...

Какой-то троянец, полный, с некрасивым обожженным лицом, начинает хохотать, и живот его трясется.

Но это все для Дидоны уже неважно.

С удивлением она видит стражника из своей свиты (откуда он взялся тут, его же никто не звал?), тот бросается к троянцу с мечом. Царица бормочет:

– Оставь, все неважно. Пусть едут.

Пусть...

Развернувшись, она идет к своему дворцу. Но не входит в покои: зовет рабов.

– Слушайте меня внимательно! Разложите здесь огромный костер. Пусть его пламя поднимется выше неба! Срочно принесите сюда все вещи Энея! Возьмите меч этого предателя и всю ту одежду, которую я ему дарила. А еще я требую, чтобы вы принесли сюда наше ложе из опочивальни. Его надо рассечь на мелкие щепы и тоже бросить в костер!

Обессиленно опустившись на землю, Дидона внимательно наблюдала за тем, как выполняются ее распоряжения.

Потом провела рукой по волосам, нащупала золотой венец и грустно усмехнулась.

Как сладок был этот подарок Энея! Как радовался вероломный муж, когда видел это украшение на ее густых светлых волосах!

В этом совершенном венце столько красоты! Золото, сапфиры и изумруды обещали ей счастье, любовь, безмятежность. Но прекрасный венец обманул все ее надежды. Как обманул и предал царицу и тот, кто его подарил...

Отбросив в сторону украшение, тоненько зазвеневшее на камнях, Дидона обернулась на звук приближающихся шагов.

Анна, бледная, встревоженная, раскрыла ей свои объятия. И по ее лицу, и по молчанию стало понятно, что сестра обо всем догадалась и хочет как-то облегчить скорбь Дидоны.

– Не бойся, Анна, – прошептала Дидона, обнимая хрупкую фигурку сестры. – Я отомщу за свое унижение! Сожгу все его вещи и буду молиться: пусть Юпитер его уничтожит! Пусть вероломный Эней прочувствует мою боль, все мои мучительные страдания!

– Конечно, сестра. Ты совершенно права, именно так и надо поступить. Но даже самой страшной кары все равно мало для этого предателя, разбившего твое сердце!

И сестры принялись бросать в костер вещи Энея.

Одежда сгорела быстро, превратилась в седой пепел, рассеявшийся в ночи. Меч коварного троянца раскалился до красна, затрещали в огне украшавшие его рукоятку драго-

ценные камни.

Став на колени, Дидона приготовилась к молитве.

Если сейчас призвать богов на помощь, то Энею больше никогда не суждено увидеть берегов.

Он погибнет в морской пучине, и умрет его сын, и вся его свита.

Только...

По щекам Дидоны заструились слезы.

«Никогда я не скажу таких слов, – пронеслось у нее в голове. – Это заклинание очень сильное, я точно знаю, что уничтожила бы Энея. Но только я не могу, не могу! Я не могу его убить, я не хочу его смерти. Он причинил мне боль, а я все равно люблю его и всегда буду помнить, какими счастливыми делались его глаза, когда он смотрел на меня... Я не могу желать ему зла. Я люблю его, хочу, чтобы он жил долго, чтобы повзрослел Юл, превратился в славного воина. Я хочу, чтобы Эней жил... И вместе с тем без него я жить не смогу, не сумею. Его отъезд – это мои вечные муки, и они никогда не кончатся...»

Дидона нащупала маленький кинжал, который всегда висел на ее поясе с того самого дня, когда она узнала, что Сихей убил Пигмалион.

Покосилась на Анну.

Сестра сидела подле костра, обняв обтянутые хитоном колени. И пристально смотрела в море, где вереница кораблей, сражавшихся с высокими волнами, постепенно становилась

все мельче и мельче.

Все дальнейшее произошло одновременно.

Вонзив кинжал в свою грудь, Дидона бросилась в пылавший костер, закричав от пронзительной боли.

Странно, но от огня ей стало легче, словно жесточайшие муки тела облегчили страдания души. А потом жар вдруг исчез...

– Успокойся, сестра моя. Скоро мы будем с богами, – твердит Анна, обнимая обугленное тело сестры.

Ее волосы трещат, хитон загорается, пламя касается тела. Кроткое выражение лица сменяется гримасой боли, но Анна, закусив губу, не пытается выскочить из пылающего костра, а еще крепче прижимает к себе свою мертвую сестру.

И вот уже языки пламени пляшут на двух девичьих трупах...

Анна и Дидона почему-то видят все это сверху, словно не сторают в эту минуту на раскаленных угольях.

К костру опрометью бегут рабы.

Один из них останавливается и, воровато оглянувшись по сторонам, нагибается и хватает золотой венец. Прячет его в складках серой грязной рубахи.

Дидона сверху грозит ему пальцем:

– Эй, выброси его, он принесет тебе несчастье, как и мне!

Странно, но раб-воришка ее не слышит. И другие рабы тоже ничего не слышат...

Огромный пляж острова Бо похож на рай.

Мягкий белоснежный песок, как искусный любовник, нежно ласкает ступни. Прохладный ветерок остужает разогретую на солнце кожу. Соленое дыхание моря смешивается с ванильными ароматами цветов и сладким запахом кокосового масла для загара.

«Я поправляюсь. Я наконец выздоравливаю и возвращаюсь к жизни. – Эмилия Мюрье растянулась в шезлонге, с наслаждением чувствуя, как теплый солнечный душ омывает ее ноги, грудь и живот. – Здесь так хорошо и спокойно, что я, пожалуй, и правда прихожу в норму. Разрыв пятилетних отношений с Патриком дался мне очень дорого. Наверное, каждая женщина переживала бы, если бы ее постоянный партнер вместо предложения руки и сердца вдруг сообщил, что он встретил другую девушку. Но мне пришлось труднее во много раз. Ведь я работаю психотерапевтом. Моя задача – помочь клиенту не допустить возникновения такой ситуации, в которой оказалась я сама. Впрочем, отпуск и правда лучший способ начать жизнь с чистого листа. Конечно, пока я еще не готова к новым серьезным отношениям. Однако, по крайней мере, я вновь могу смотреть на мужчин. У меня нет особого выбора, из свободных туристов здесь только немец Ганс. Не очень красивый, ти-

пичный бургер: невыразительное лицо, светло-голубые глаза, рыжие волосы, веснушки, килограммов двадцать лишнего веса. Он ведет себя скованно, и я, кажется, догадываюсь почему. Ему нравятся красивые стильные женщины, но он изначально не верит, что может вызвать их интерес к себе. Поэтому он скорее заинтересуется девушкой с какими-нибудь изъянами во внешности... Что ж, тем интереснее будет подобрать ключик к этому человеку! Я думаю, Ганс может оказаться неплохим любовником – компенсаторный механизм неуверенности в собственных силах. Дополнительный бонус, если я все-таки смогу затащить его в постель, – это мое восстановленное профессиональное реноме. Я смогу убедиться, что все еще не утратила способности разбираться в людях и играть на их маленьких слабостях».

Наконец жара сделалась совсем нестерпимой.

Задумчиво посмотрев на сланцы (нет, наверное, не стоит их надевать: песок такой мягкий и чистый, поранить ноги им просто невозможно), Эмилия побежала к морю и с наслаждением окунулась в прохладную воду.

Плыть вдоль берега, не имеющего ни малейших примет цивилизации, было чрезвычайно приятно.

«Здесь лучше, чем на Лазурном Берегу, с его вереницей отелей и вилл, – думала Эмилия, восторженно любуясь пальмами и белоснежным песком. – На этом острове чувствуешь свое единение с природой, к тому же Бо дарит своим гостям комфортный и безопасный отдых. Мне еще ни разу

не приходилось отдыхать на таком почти необитаемом острове, где находится всего лишь один отель. Раньше я почему-то думала, что это скучно. Ничего подобного!»

Через полчаса она, проголодавшаяся и все же немного заскучавшая, заторопилась с пляжа к бассейну.

Там как раз должны были сервировать послеобеденные закуски. И Ганс с его немецкой обстоятельностью уделял закускам самое пристальное внимание!

Так и есть: звенят тарелки, переговариваются парни, накрывающие на стол...

– ...Здесь, на острове, никого нет. Следующий самолет прилетит только через неделю.

– Что ты предлагаешь?

– Ограбить всех этих козлов, разумеется! И уплыть на материк на катере. Ты видел новости? Там сейчас полная неразбериха.

– Туристы позвонят кому-нибудь или свяжутся по Интернету со своими друзьями. Нас поймают раньше, чем мы успеем доплыть до берега! И посадят в тюрьму. А зачем в тюрьме деньги?

– Тише ты, смотри, вон идет туристка!

– Можно подумать, она понимает по-арабски! Все никак не наедятся эти туристы! Да если бы я столько жрал, я бы уже давно умер!

Осознав, что ее появление не прошло незамеченным, Эмилия, попытавшись приветливо улыбнуться, подошла

к столику с фруктами, взяла небольшую тарелочку из стопки и уставилась на поднос со сливами.

Перед глазами все плыло, руки дрожали.

Она немного понимала по-арабски. Лучший друг Патрика был родом из Иордании, и он обожал учить всех и каждого своему родному языку. И теперь Эмилия очень боялась, что переговаривавшиеся официанты догадаются о том, что их речь ей удалось перевести без труда.

«Успокойся, успокойся. – Эмилия, не контролируя себя, взяла сливу и жжала ее так, что брызнул сок. – Что с меня-то им взять? Купальник, парео и тапочки? Все деньги и драгоценности – в сейфе номера; ничего страшного не случится! У меня будет время, я успею попросить о помощи и придумаю, как выбраться из этой западни...»

* * *

Следить за темноволосой женщиной и дальше было бы рискованно. Она устроилась в тени пальмы на газоне. Поставила перед собой черную спортивную сумку, где лежало украшение, и портфель с ноутбуком.

Лица Вронская пару минут понаблюдала, как женщина пыталась подключиться к Интернету через вай-фай, косилась то на листик с паролем (такой давали всем гостям отеля при заселении), то на экран стильного «сони-вайки». Потом раздалось характерное бульканье, с которым открывает-

ся скайп...

Она казалась очень эмоциональной – во время разговора жестикулировала, улыбалась, закатывала глаза.

Однако суть ее диалога с кем-то невидимым, к сожалению, совершенно не улавливалась. Незнакомка говорила не очень громко, к тому же откуда-то неподалеку доносилась темпераментная латиноамериканская песенка.

Подойти ближе – значит выдать свое местонахождение.

А уж стоять на открытом пространстве и подслушивать – вообще далеко не самая лучшая идея.

Конечно, очень любопытно было бы еще раз взглянуть на оригинальное украшение. Однако не подойдешь же к незнакомому, явно занятому своими делами человеку с такой просьбой...

Устав стоять без толку за мохнатым стволом пальмы, Лика развернулась и огляделась по сторонам.

Похоже, неподалеку находится бассейн. А обычно рядом с бассейном располагается и бар, где можно выпить чашечку кофе и поболтать с барменом, узнать у него дорогу к пляжу, выяснить, в котором часу и где именно начнется вечерняя шоу-программа.

Да, так и есть. Вон там, впереди, виднеются ряды пустых шезлонгов, барная стойка под тростниковой крышей; столик с какими-то закусками, возле которого с тарелкой в руках медитирует симпатичная стройная туристка.

«Хочу слив – умираю. – Лика, улыбаясь, заторопилась

к столику. – Как же все-таки здорово Андрей придумал с этим отпуском! Море, солнце, свежие фрукты и...»

– Вы говорите по-английски? – с сильным французским акцентом и почему-то шепотом поинтересовалась туристка.

Лица кивнула, недоуменно поглядывая на горку раздавленных слив. Видимо, женщина взяла их с общего подноса, положила не на свою тарелочку и стала их давить, складывая в кучку на краю стола...

Взгляд у туристки был очень встревоженный. Женщина казалась просто смертельно напуганной!

В другой ситуации можно было бы сказать: «Говорю, и не только по-английски, но и по-французски». И поболтать именно на французском, который «лежит» без дела уже много лет – ведь все-таки не так-то просто найти франкоговорящего собеседника. Это была еще одна причина, по которой перспектива поездки в Тунис очень обрадовала Лику: франкоязычная среда, возможность вспомнить прекрасный, мелодичный язык.

Впрочем, именно теперь и именно с этой молодой женщиной болтать ей почему-то совершенно не хотелось...

– Давайте отойдем, нас могут подслушать, – тихо заговорила туристка, вцепившись в Ликину руку. – Знаете, я немного понимаю арабский. У Патрика был друг... Впрочем, это неважно... Местные официанты говорили, что они хотят ограбить всех нас и скрыться! Вы смотрели новости? В столице начинаются беспорядки. Наши официанты хотят

этим воспользоваться. Они очень опасны! Вы же понимаете, остров Бо небольшой, и на нем находится только наш отель. Мы совершенно беззащитны! Мы в полной власти у этих людей!

Ошеломленная Вронская обернулась к бару. Симпатичный бармен увлеченно пританцовывал в такт музыке и протирал разноцветные бутылки со спиртным. Он был меньше всего похож на злодея, вынашивающего гнусные планы. А вот Ликина собеседница...

– Успокойтесь, ведь на острове есть служба безопасности. Меня зовут Лика, я пару часов назад прилетела сюда с мужем из Москвы. Когда мы заселялись, видели крепкого парня в холле главного корпуса, это явно был сотрудник службы безопасности. Не волнуйтесь, все под контролем! Мы все выбрали очень хороший, комфортный отель, и я уверена, что с безопасностью здесь все в порядке. Да, я видела по телевизору: в столице проходят акции протеста. В Москве тоже почти каждый день кто-то протестует... Главное в таких ситуациях – не оказаться в толпе. Скопление народа – это действительно опасно. А вы, наверное, просто что-то неправильно поняли.

– Приятно познакомиться, Лика. Меня зовут Эмилия. Вы так любезны! Очень мило, что вы меня утешаете. Но поймите, я действительно слышала этот разговор и все перевела правильно.

«Сумасшедшая какая-то, – решила Вронская, вежливо

улыбаясь странной туристке. – У нее просто мания преследования. Навидалась я таких людей, когда изучала матчасть для написания своих книг. Мой приятель, судебный психиатр Новиков, рассказывал немало интересных историй и...»

Ее рассуждения оборвал чей-то еле слышный крик.

Звук был совсем слабым. Но все-таки в нем явно улавливалось отчаяние. Такое горькое, что просто кровь стыла в венах...

– Вы слышали?! – Лица обернулась к француженке. – Какие-то странные звуки...

– Думаю, это волны бьются о берег. Но поймите же, ситуация серьезная! Надо не любоваться морем, а действовать!

* * *

Стивен Смит раздраженно ходил взад-вперед по номеру. С этой Дженни можно сойти с ума!

Все время всем недовольна! Одна истерика сменяет другую!

Казалось бы: все для тебя, дорогая, только будь спокойна, счастлива и не нервничай. Вздумалось ей прилететь в этот Тунис! Зачем, спрашивается? Что, нельзя было отдохнуть где-нибудь поближе, во Флориде, например?

Нет, жена орала как резаная: «Хочу в Тунис, хочу на остров Бо. Стивен, ты не представляешь, как там красиво, какие виды, какие пляжи!»

Приехали.

Какие виды, какие пляжи?! А такие же, как в Таиланде или на Мальдивах! Белый песочек, зеленые пальмы, бирюзово-синее море. Туристов совсем немного; обслуживающий персонал делает свою работу отлично и практически незаметен. Ничего особенного, в сущности.

Ладно бы Дженни мало путешествовала и ничего не видела в мире. Но ведь жена побывала в куче мест, она посещала самые любопытные уголки Земли, там съемки ему заказывали солидные журналы. Быть супругой фотожурналиста, с точки зрения познания мира, – это очень выгодно!

Но тем не менее: «Хочу в Тунис, и именно теперь!»

Ладно, хорошо. Бо так Бо. Приехали! Ничего особенного, но... пусть. Однако и здесь продолжается начавшийся еще дома кошмар.

«Еда невкусная, люди отвратительные, ко мне плохо относятся, никто меня не любит...»

И это «счастье» продлится – Стивен, плюхнувшись в кресло, растопырил пальцы и начал по одному их загибать – еще, наверное, целых полгода, не меньше. Дженни ведь только на третьем месяце беременности.

Ребенок...

Лицо Стивена сразу смягчилось.

Да, жена невыносима. Дженни никогда не была ангелом, но с этой беременностью она вообще превратилась в фурию – орет с утра до вечера.

И все-таки... малыш или малышка... УЗИ пока что его своенравная Дженни делать отказывается... но ребенок – он живет, развивается... и это такое счастье, что просто сердце замирает... ведь уже казалось, детей у них не будет никогда, и тут вдруг такое чудо...

«Ладно, потерплю. – Стивен подошел к окну. Дженни, умчавшейся неизвестно куда после того, как она осознала, что Ганс и Эмилия невольно подслушали ее хамские характеристики, возле домика по-прежнему не было видно. – Главное – чтобы с ребенком все было в порядке. Попробую относиться с пониманием к истерикам Дженни. В конце концов, ей тоже приходится несладко. Мне сложно представить, что это такое – беременность. Судя по тому, как Дженни тошнит, приятного в этом мало... Но куда же она запропастилась? Ее нет уже больше полутора часов!»

Недовольно хмыкнув (беременность беременностью, но все-таки супруга могла бы и вспомнить, что у нее есть муж и он, между прочим, волнуется!), Стивен похлопал себя по карманам бермудов. Мобильный телефон и карточка-ключ от номера на месте, можно отправляться на поиски Дженни.

Он вышел из домика и задумчиво посмотрел на развилку выложенных белыми камнями дорожек.

Та, что уходит вниз, ведет к морю. Но Дженни вроде бы не самая заядлая любительница послеобеденного солнца.

Если отправиться вперед по боковой тропинке, можно

выйти к бассейну и бару. В принципе перекусить его супруга всегда не против, а уж в ее теперешнем положении особенно...

Мысли его оборвались внезапно.

Порыв ветра вдруг подбросил прямо к ногам Стивена голубое парео, принадлежащее его жене.

Узнать его было нетрудно – ведь сбоку на клочке материи, переливавшемся серебристыми пайетками и стразами, был вышит приметный симпатичный дельфинчик. Он сверкал и теперь. Несмотря на огромное кровавое пятно, расплывающееся по голубой ткани...

* * *

– Ты что же, влюбилась в него?

Кристина Дорохова возмущенно покачала головой. И ее отражение в окошечке скайпа с задержкой в долю секунды сделало то же самое.

– Да как ты можешь говорить такую ерунду?! – Она чуть поправила крышку ноутбука, стараясь, чтобы бликующее изображение подруги приобрело хотя бы минимальную отчетливость. – Я... влюбилась в какого-то мальчишку?! Смешно! Дорогая, ты же знаешь, в моей жизни есть только одна любовь – голубая «ванда роял блю»¹¹. А Салах...

¹¹ Гибрид очень красивой орхидеи, выращиваемой, как правило, без субстрата, с открытой корневой системой.

Кристина объясняла своей подруге мотивы своего абсолютно безрассудного поступка (отправиться на отдых с первым встречным – судя по всему, с жиголо!) и одновременно радовалась, что ей не приходится прикладывать слишком много усилий для разъяснений.

Обычный человек, не увлекающийся орхидеями, вряд ли понял бы мотивы подобного авантюрного поступка. Решил бы, что женщина, вытворяющая нечто в этом духе, на редкость легкомысленная и безответственная особа. Но это ведь совершенно не так! На работе, в финансово-аналитической компании, готовящей обзоры по текущей экономической ситуации, а также прогнозы дальнейшего развития событий в мире, никто не сомневается: Кристина Дорохова – прекрасный специалист, очень сдержанная, серьезная женщина. И все это – чистая правда. Точнее – часть правды.

Орхидеи – это всегда авантюризм и риск.

Заказанное растение может прийти гнилым. Редкий природный вид в условиях городской квартиры капризничает и не цветет годами. Но все равно любители этих цветов решаются на покупку, рискуют, выигрывают, проигрывают...

Потерпеть неудачу с красотками-орхидеями проще простого. Им ничего не стоит сбросить такие долгожданные, такие многообещающие бутоны. Они могут хорошо цвести и расти годами, чтобы в один день вдруг все их листья пожелтели без всяких видимых причин просто потому, что долгое время на растении развивалась скрытая инфекция.

Красота соседствует со смертью, радость – с горем. Такие «адреналиновые горки» вырабатывают определенную манеру поведения, черты характера.

Какие именно?

Умение легко переносить потери.

Наслаждаться каждым мгновением жизни.

Ценить все происходящее вне зависимости от того, в какой именно цвет окрашено очередное житейское событие: в белый, черный, серый ли.

О, можно было бы страдать из-за ненужных расходов на ненужную поездку, из-за неоправдавшихся надежд увидеть исчезнувшую видовую «блэк черри». И все это время жизнь, прекрасная, неповторимая и уникальная жизнь, проходила бы мимо...

– В общем, я уже слегка отошла от Маринкиных фокусов, – говорила Кристина, наслаждаясь ярким теплым солнышком: его лучи после промозглой московской зимы воспринимались ею как настоящее чудо. – Таксист привез меня в туристическое агентство. Ну как агентство? По нашим московским меркам – подвал какой-то. Но, может, в Африке не стоит особенно к этому придирааться? А у них, в Тунисе, как раз акция протеста проходила. Менеджер мне каталог в руки сунул, кассу закрыл и побежал выражать свою гражданскую позицию. И тут я почувствовала чей-то взгляд... Понимаешь, этот парень, он наблюдал за мной через окно и...

Кристина запнулась, стараясь подобрать максимально точные слова для описания эффектной внешности Салаха.

Высокий рост – около ста восьмидесяти пяти сантиметров.

Тонкое телосложение, мальчишечье, юное, без взрослой мужской основательности мышц.

Светлая одежда подчеркивает его смуглую кожу, и черные волосы, и огромные темно-карие глаза с длинными ресницами. Ресницы, кстати, настолько длинные, что карие глаза при отсутствии прямого освещения вдруг приобретают насыщенно-фиолетовый, черничный оттенок.

Профиль: нос с легкой красивой горбинкой, крупный рот, идеальной белизны зубы.

Лицо Салаха напоминает изысканную, свежую, только-только распустившуюся орхидею...

«Блэк черри»! – пронеслась в ее голове глупая мысль. – Не так уж меня и обманули: в этих местах и правда водится редкий изысканный вид орхидей...»

Он улыбнулся, вошел в агентство и заговорил с ней.

У этого мальчика, как ни странно, оказались отличные манеры. Он виртуозно жонглировал темами светских, ни к чему не обязывающих бесед; намекнул, что мог бы стать отличным гидом, помочь ей определиться с выбором места отдыха и отеля. В его деликатной, ненавязчивой приветливости, возможно, угадывался профессионализм, но только никак не профессионализм экскурсовода.

От парня «пахло» сексом.

Курортный жиголо?..

Нет, безусловно, личные отношения с таким мальчиком неприемлемы. Интрижки на отдыхе – возможно, унижительные и далеко не бесплатные – это не тот уровень, до которого стоит опускаться. В личном плане игра не стоит свеч совершенно.

И все-таки...

Такое странное предчувствие...

Так можно смотреть на полусгнившую от обильных поливов «камбрию»¹² или «мильтонию»¹³, которые продавщицы цветочного магазина замучили до уценочной стадии, и вдруг *почувствовать*, что через полгода именно этот трупик даст дивные цветы.

Дикое любопытство и азарт... эти эмоции, которые пробудил в ее душе Салах, оказались настолько сильными, что, когда парень предложил ей составить компанию на отдыхе, согласие сорвалось с губ женщины быстро-быстро.

– Знаешь, этот мальчишка сразу сказал: оплатить билеты и отель он пока не может, – продолжала делиться новостями Кристина. – Он обещал мне вернуть деньги позже. Естественно, я ему не поверила. И, может быть, зря. Да, я понимаю: рыться в вещах человека подло. Но я, в конце концов, придумала для себя чудесное оправдание: я же его со-

¹² Популярный орхидейный гибрид.

¹³ Распространенный и не самый легкий для содержания орхидейный гибрид.

всем не знаю, надо побеспокоиться о своей безопасности и все такое! У мальчишки была с собой сумка, он положил ее в шкаф. Я перепрягала ее за штору, отправилась якобы в душ. Позвонила в ресторан, чтобы в номер принесли воды. Когда постучал официант и Салах пошел открывать дверь, я выбралась из ванной и подхватила его вещички. И там...

Она пододвинула сумку, достала золотое украшение, отделанное сапфирами, изумрудами и бриллиантами, и поднесла его к экрану ноутбука.

Демонстрировать подружке это сокровище, вновь прикасаться к золоту и камням было невероятно приятно.

Казалось, что по всему ее телу побежали электрические разряды, и даже голова слегка закружилась, как от бокала шампанского.

Откуда у Салаха такая дорогая вещь? Наследство его папочки? Или мальчик грабит магазины?

Что он собирается с ним делать? Продать хочет? Интересно, сколько может стоить подобная вещичка?!

На все эти вопросы, конечно, пока нет ответов.

Но можно попытаться их получить.

Или... ни о чем его не спрашивать, а просто прихватить с собой это украшение и убежать?

Воровать, безусловно, нехорошо.

Однако... как же хочется открыть собственный магазинчик орхидей! С большим выбором растений, специально обученными правильному обращению с орхидеями продав-

цами. А может, денег, вырученных за продажу побрякушки Салаха, хватило бы даже на организацию настоящего питомника вроде Швертера или Элснера? О, это было бы восхитительно – выращивать популярные гибриды, пытаться вывести новые!

Два шага до исполнения этой мечты.

Гадких, гнусных шага.

Но если их сделать, самые ее заветные желания реализуются...

Глава 3

Карфаген, 207 год до н. э.

– Знаешь, Софониба, а я бы не отказалась выйти замуж за Ганнибала. А что, отличный супруг, известный и богатый! В Карфагене он появляется всего раз в несколько лет. Проведет тут зиму, подлечит раны, получит денег на войну от сената – и опять уезжает к своему войску. Уж пару-то месяцев и самого противного мужа можно потерпеть! Зато потом... – Басса, закатив глаза, счастливо улыбается, отчего на ее щеках появляются симпатичные ямочки. – Представляешь, как это здорово – быть женой такого славного полководца! Наверное, его дом – настоящий дворец, где потолок отделан серебром, а вся мебель – из эбенового дерева. Но, конечно, дело не только в том, что жила бы я хорошо и иных забот не знала, кроме как рабам приказания отдавать. Ганнибал – настоящий воин! Да перед ним весь Рим трепещет! Если бы только он взял меня в жены, уж я бы не посмотрела, что Ганнибал старый и на один глаз слепой. Я, может, его даже и полюбила бы за то, что он воюет с Римом. А когда он победит – провезет свою возлюбленную жену по побежденным улицам, и я плюну из роскошных носилок прямо на ворота дома своих бывших хозяев и...

Увлечшись своими мечтаниями, Басса уколола иголкой

палец. И сразу же отвела ладонь от вышивки, стараясь, чтобы даже одна-единственная капелька крови не появилась на красивом покрывале.

Покрывало расшито золотом, в его центре готовится к прыжку сильный мускулистый леопард – его еще надо вышить. Уже можно угадать контур сжавшегося в комок тела прекрасного животного. Немало дней пришлось ей провести, склонившись с иглой в руках, над этим роскошным убранством для ложа. А сколько еще предстоит работы...

– А разве ты помнишь своих римских хозяев? – удивилась Софониба, прищурившись.

Вышивка, разложенная на полу, была огромной, она выполнялась сразу с двух сторон – и самой Софонибой, и ее рабыней Бассой. Сбиться при счете стежков хозяйке не хотелось, но поболтать ведь тоже интересно! Поэтому ей приходилось быть очень внимательной.

Закончив вышивать ногу грациозного животного, девушка продолжила:

– Мне кажется, отец привез тебя к нам в дом, когда ты еще была совсем маленькой, еще меньше меня. Мы ведь выросли вместе.

– Да! Но я все равно помню, как мою маму пристегивали ремнями к огромному жернову. Вместе с другими рабынями она вращала мельницу. Обессилевших женщин часто наказывали. Маму хлестали плетью по обнаженной спине, и от каждого удара оставался кровавый след. Нам удалось

сбежать во время Сатурналий. В Риме есть такой праздник, когда рабы якобы становятся господами... на короткое время. Наши хозяева, конечно, и не думали нам прислуживать в эти праздничные дни. Но по крайней мере работать сверх сил не заставляли: заняты были только рабы, служившие в доме. Мама схватила меня и сбежала. Она, наверное, бросилась в порт, где нам удалось забиться в трюм какого-то корабля. Маму убила жажда. У нас были с собой сочные плоды, но мама все отдала мне. Потом, помню, меня еще несколько раз продавали, уже в Карфагене...

– Я рада, что отец купил тебя. – Софониба протянула рабыне кусочек ткани, чтобы та перевязала палец: кровь никак не унималась, стекала на мраморный пол. – Стала ты мне ближе, чем родная сестра. А про Ганнибала как жениха мой тебе совет – даже и не думай!

Басса грустно вздохнула, нахмурила темные брови:

– Да я и не думаю! Знатный карфагенянин никогда не женится на рабыне. Но я и наложницей его не отказалась бы стать.

– У Ганнибала нет наложниц.

– Почему?

Софониба пожала плечами, отчего ее светлые волосы, волной рассыпавшиеся по плечам, пришли в легкий беспорядок.

– Наверное, потому, что к его услугам все женщины из тех стран, по которым проходит наше войско. А еще отец мне

рассказывал, что Ганнибала не интересует ничего, кроме войны. Он ест совсем мало – только для того, чтобы утолить голод. Он спит на земле, укрывшись плащом, будто простой солдат. Какой дворец, Басса? Война – вот его дворец, боевые слоны – вот его женщины. Говорят, что, едва лишь ему минуло девять лет, как его отец, Гамилькар Барка, начал брать сына с собой в походы в Испанию. Заставил его поклясться, что Ганнибал всю жизнь будет ненавидеть Рим и все силы положит на покорение знатного города. Привел его в храм, опустил ручку сына на внутренности жертвенных животных, возложенные на алтарь, и потребовал клятвы...

– Я понимаю, почему я ненавижу Рим. Но разве отец Ганнибала был рабом? Мне кажется, только рабы, побывавшие в Риме, могут так ненавидеть римлян! Нет хуже хозяев! В Карфагене, может, только раз в год распнут беглого раба. А весь Рим просто окружен крестами!

Софониба покачала головой:

– Нет, конечно, никаким рабом Гамилькар Барка не был. Он был богатым, знатным человеком, его часто выбирали суффетом¹⁴. У него имелось много сторонников, они до сих пор объединены в специальную партию баркидов... А причины его ненависти... Рим вынуждал Карфаген платить дань, забирал наши земли... Учитель мне рассказывал: вражда между Римом и Карфагеном будет вечной. По крайней мере, так говорят легенды. Когда-то троянец Эней ве-

¹⁴ Одно из двух высших должностных лиц в системе управления Карфагена.

роломно покинул основательницу нашего города, Дидону, и уплыл на поиски града Рима. От горя царица бросилась в огромный костер. Так же велика, как тот костер, отныне и ненависть между римлянами и карфагенянами...

Осторожно делая стежки (перевязанный палец мешал ей вышивать с прежней ловкостью), Басса покачала головой:

– Не хочу говорить о ненависти и войне! Мне это совершенно неинтересно! Давай лучше поболтаем о любви! Ладно, я поняла – не суждено мне стать женой Ганнибала. И разница между нами слишком велика, и женщинами он не интересуется... Хорошо, я присмотрю себе другого славного воина или знатного карфагенянина. А ты, ты уже влюблена? За кого ты хочешь выйти замуж? Расскажи же скорей!

Вместо ответа Софониба грустно вздохнула.

Что толку влюбляться и мечтать о своем избраннике? Все равно девушкам из знатных семей приходится выходить замуж за того мужчину, которого выберет отец. Чувства дочерей никогда никого не интересовали!

Разве хотела красавица Саламбо, дочь Гамилькара Барки, сестра Ганнибала, выходить замуж за Нар-Гаваса, брата нумидийского царя Гайи? Нет, конечно! Нумидия – это далекая бескрайняя земля, выжженная солнцем. Там нет никаких городов, а люди живут не в каменных домах, а в мапалиях – хижинах, устланных шкурами. Саламбо же, как и всякая городская девушка, любила шумные рынки, лавки с роскошными тканями и драгоценностями, любила, когда рабы несли

ее на носилках в храм и она приносила в жертву богам белоснежную голубку или устраивала возлияния вином. Но отцу ее не было никакого дела до того, что любила и чего хотела его дочь. Он думал только о том, что Нар-Гавас после смерти брата станет царем (у нумидийцев трон наследует не старший сын правителя, а его брат). Он думал о том, что нумидийцы всегда были самыми лучшими наездниками: гибкие сильные воины этого племени и их прекрасные выносливые кони неоднократно повергали римлян в бегство. Союз карфагенян и нумидийцев был выгоден Карфагену, поэтому желания Саламбо вообще никакой роли не играли. О, бедняжка это понимала! Она знала – спорить и протестовать бесполезно! Жизнь с варваром стала бы для нее вечной пыткой, но даже родной отец не пожалел свою дочь, он своими руками готов был отдать ее Нар-Гавасу. Уже вовсю шли приготовления к свадьбе. Но однажды утром рабыни не добились своей госпожи. Навечно уснула бедная девушка в своей опочивальне: сердце Саламбо не выдержало и разорвалось от горя...

– Ох, расстроили меня все эти разговоры, – пробормотала Софониба, откладывая шитье. – Боюсь я даже думать о своем замужестве! Выберет мне отец какого-нибудь старика-варвара, и что я потом стану делать? Умру от горя, как красавица Саламбо?

– Ганнон любит тебя. Твой отец никогда не обидит свою дочь! Вчера он прислал тебе новый ларец с подарками... –

Басса воткнула иглы в ткань. – И я уже туда заглянула! Ларец битком набит драгоценностями!

Софониба шутливо погрозила рабыне пальцем.

Та принялась оправдываться:

– Я лишь одним глазком взглянула! Там такие красивые украшения! Из золота, с яркими камнями!

– Отец вчера ничего не сказал мне! И сегодня – тоже. Хотя мог бы и разбудить меня перед тем, как отправиться на охоту! Где же подарки?!

Басса кивнула на угол покоев.

Там стояла большая ваза с крупными красными цветами, источавшими тонкий нежный аромат. А за вазой и правда виднелся деревянный ларец, обитый серебряными пластинами.

Софониба метнулась к нему, встала на колени, принялась открывать тугие застежки на крышке.

– Госпожа, извольте идти обедать! Я видела щенков, которых приготовил для вас повар! Нежнейшее мяско, пальчики оближете!

Появившаяся в покоях темнокожая рабыня Гела несла на голове огромный поднос, уставленный блюдами с обильной пищей – тарелками с жарким из собачатины, миской, где лежали маслины, была там и амфора с разбавленным водю вином. Сыр, фрукты, свежайшие овощи...

Софониба махнула ей рукой, мол, все потом: и обед, и разговоры.

Отец подарил ей новые украшения!

Они были прекрасны!

В ларце лежали несколько ниток бус из янтаря и золотые браслеты для рук. И иные браслеты – для украшения щиколоток. А вот и чудесная митра. Подобных головных уборов карфагенянки не носят, а иберийки покрывают свои волосы этими высокими головными украшениями с золотыми вставками. Что ж, тем эффектнее будет выглядеть, когда она пройдет в необычной митре по Карфагену. Все прохожие будут оглядываться ей вслед!

– Отец знает, что я обожаю украшения для волос, – проворчала Софониба, примеряя митру и восхищенно охая. Несложно себе представить: черная кожа митры выгодно подчеркнет белизну ее лица и карие глаза, а золотые вставки на ней – такого же нежного оттенка, что и ее длинные густые локоны. – Я знала, что вчера в город пришла гаула¹⁵. Как мило, что отец выбрал для меня подарки. И это!..

Все! Иберийская митра небрежно отброшена в сторону.

Теперь ее, затаив дыхание, примеряет Басса, а на волосах Софонибы красуется другое украшение.

Какой дивный золотой венец! Состоит он из двух тонких ободков, украшенных драгоценными камнями. Чередуются сапфиры и изумруды, сверкают на солнце прозрачными гранями, бросают на белоснежный мраморный пол пригоршни разноцветных огоньков. Но не только камни на ободке при-

¹⁵ Торговое судно карфагенян.

тягивают взгляд. Прекрасные цветы, дивные птицы, бабочки – все они сплелись в золотом хороводе между ободками. Тонкие фигурки украшены крупными алмазами, они искрятся, словно радуга.

– Какая же ты красавица! – восхищенно выдохнула Басса. Приблизившись к Софонибе, она ловкими движениями расправила белую тунику госпожи, переколола придерживавшие пурпурную накидку серебряные фибулы¹⁶. – Вот теперь все прекрасно: платье соответствует венцу. Хотя...

Софониба вопросительно вскинула брови.

Новое украшение вызвало в ее душе какое-то странное чувство.

Куда-то исчезают ее привычная безмятежность, покорность воле отца, смирение...

Невероятные эмоции, словно волны, как бы подхватывают Софонибу и несут ее в некие новые, неизведанные, загадочные страны. Неизвестно, что будет там... Предчувствие то ли счастья, то ли боли теснит грудь... Но изменить что-то все равно невозможно...

Послеобеденное время Софониба не любила.

Отец обожал подремать после еды, а ей никогда не удавалось заснуть.

Если бы папа находился в доме, можно было бы пройти в его покои, поблагодарить за подарки. Но он еще не вернулся с охоты.

¹⁶ Застежки и заколки для плащей и прочей верхней одежды.

А впрочем...

Софониба вышла из своих покоев, кликнула раба и распорядилась подать для нее носилки.

Отличная идея – отправиться в храм Танит, совершить в честь богини возлияние вином! А заодно и показать всем карфагенянам прекрасный золотой венец с драгоценными камнями. Каким образом? Самым незамысловатым! Можно ведь не задерживать шторы на носилках. И прохожие увидят дивные камни венца. Сапфиры и изумруды сияют так ярко – не заметить их просто невозможно!

Софониба сидела в носилках и наслаждалась всем, на что только падал ее взгляд.

Прекрасен Кафраген с его мощеными улицами, просторными площадями и шумными рынками.

Посмотришь вдаль, где синее море, и сердце сжимается от восторга. Как хорошо жить и видеть такую красоту! Сливаются в одну линию синее небо и синее море! Такой яркий, прекрасный оттенок, и так радостно любоваться им!

Чужие взгляды, обрывки разговоров... Вон там, у дверей лавки, знатная карфагенянка в богатой одежде торгуется с продавцом золотых украшений; а вот торговец погоняет ослика... Ну и нагрузил же он свою телегу – доверху, осел, похоже, скоро лопнет от натуги, и еще...

Вначале Софониба не обратила особого внимания на юношу, пробиравшегося сквозь шумную толпу.

Отметила лишь, что у него почему-то гладко выбрита го-

лова, да и одет он не как все: в тунику из шкур, на поясе в кожаных ножнах болтается кинжал. Впрочем, не сказать, что странный наряд и необычная прическа портят облик молодого человека: он высокий, стройный, гибкий, напоминающий прекрасного грациозного молодого зверя.

Похоже, пробираться через толпу ему было весьма неудобно – прохожие то и дело толкали парня, а некоторые явственно выкрикивали ему прямо в лицо резкие замечания.

Потом девушка потеряла его из виду, отвлеклась, рассматривая клетку, в которой сидел такой толстый раб, что тело его представляло собою сплошные валики жира (должно быть, его везли на рынок, чтобы там показывать за деньги).

А затем...

Тот юноша смотрел прямо на нее.

Софониба увидела его глаза – темно-карие, окруженные длинными темными ресницами. И вдруг почувствовала, что дрожит от озноба, хотя яркое солнце с раннего утра щедро освещало Карфаген и, казалось, уже расплавало самый воздух.

Парень приблизился к ее носилкам и пошел рядом с рабами. Те принялись выкрикивать ругательства, опасаясь, что он – попрошайка и может побеспокоить своей назойливостью молодую госпожу.

– Я хочу выйти! – не терпящим возражений тоном вдруг распорядилась Софониба.

Понимая, что она ведет себя неправильно, слишком сме-

ло, девушка тем не менее покинула носилки и оказалась рядом с молодым человеком. И, не зная, что сказать, приветливо улыбнулась ему.

– Я полюбил тебя. Ты будешь моей женой! – даже не поздоровавшись, вдруг выпалил незнакомец.

В его интонации не слышалось вопроса.

Он словно бы просто ставил ее в известность о принятом им решении – и более ничего!

Софониба рассмеялась:

– Как зовут тебя, муж? Ты бы хоть представился мне! Я – Софониба, дочь Ганнона.

– Масинисса, – быстро отозвался молодой человек.

Девушка печально вздохнула.

Масинисса не назвал имени отца, но вымолвил свое, и этого было вполне достаточно.

Он – варвар, он – нумидиец, причем явно не самый знатный, хоть и является сыном короля массиллов Гайи. Но трон унаследовал брат владыки Гайи, тот самый, пожелавший жениться на бедняжке Саламбо. Знатная карфагенянка умерла, но у Гайи множество других жен. А Масинисса, увы, не предложит своей жене ничего, кроме простой хижины – мапалии...

И вдруг Софониба поняла, что вдвоем с Масиниссой ей будет хорошо и в самой обыкновенной хижине! Потому что у этого юноши такие красивые глаза и ярко-красные губы, и от одного лишь его присутствия ее бросает то в жар, то в хо-

лод, а еще ей очень хочется, чтобы этот странный, волнуящий озноб никогда не проходил...

События развивались стремительно.

Тем же вечером Масинисса отправился в дом к Ганнону и попросил у отца Софонибы согласия на этот брак.

– Конечно, Ганнон отнюдь не пришел в восторг и вначале даже выхватил кинжал. Масинисса так горячо убеждал твоего отца отдать тебя за него замуж, что Ганнон попросту не понял, о чем он завел эти речи. Возможно, твой отец решил, что Масинисса – коварный убийца, которого к нему подослали враги, – докладывала потом Софонибе Басса, прилежно подслушавшая их разговор. – Однако вскоре все выяснилось. Ганнон подробно расспросил, из какого рода происходит Масинисса. А потом сказал, что не возражает против свадьбы. «Но надо подождать пару лет. Ты еще очень молод, Масинисса, сын Гайи! Ты должен прославиться как воин, проявить себя, стать достойным моей дочери, – так сказал Ганнон. – А пока мы объявим во всеуслышанье о вашей помолвке. Чтобы ты на войне сражался отчаянно и смело – ведь в Карфагене тебя будет дожидаться прекрасная невеста».

Вот это новости!

Софониба бросилась Бассе на шею и разрыдалась от счастья.

Как быстро все может измениться в жизни... Еще утром она безмятежно занималась шитьем. И вот уже успела и влю-

биться, и стать невестой!

* * *

Все-таки он красивый. И очень умный! А со стейком как изящно расправляется – загляденье!

Только вот...

Вспомнив последний выпуск новостей, Лика Вронская нахмурилась.

Увы, Андрей прав: обстановка в Тунисе явно накаляется. Как неудачно все совпало – только они приехали на курорт, а тут творится непонятно что! Абстрагироваться от действительности и просто беззаботно валяться на пляже – нет, это у нее не получится. Акции протеста приняли массовый характер, президент Туниса Бен Али исчез из страны... В туристической зоне, правда, пока что все спокойно. К тому же остров Бо отделен от материка морем. Сюда вряд ли доберутся протестующие против власти граждане. Но и выбраться с острова будет не так-то просто... Туристов доставляют сюда рейсами внутренних авиалиний. Время полета – изрядное, почти целый час. Следовательно, в случае необходимости быстро отсюда не уедешь.

Впрочем...

Лика Вронская счастливо улыбнулась своему спутнику. Несмотря ни на что, ей не хочется никуда отсюда уезжать! Теплый вечер, негромкая музыка, на столиках в рестора-

не сияют огоньки свечей, воткнутых в круглые стеклянные подсвечники...

И можно просто болтать, и никуда не торопиться, и любоваться выразительным лицом Андрея, и наслаждаться этим вечером, и предвкушать ночные ласки...

Андрей – потрясающий любовник! Он словно бы открыл перед ней чувственную сторону жизни заново, а все, что было прежде, – просто черно-белый кинофильм, который ты смотришь с относительным интересом и лишь потому, что еще не знаешь – бывает и цветное кино...

Появление в ресторане странной француженки – Эмилии – не прошло незамеченным.

Официанты и менеджер проводили одобрительными взглядами ее стройную фигурку в черном платье, рыжеволосый турист, похожий на немца, ужинавший за соседним столиком в одиночестве, помахал женщине рукой.

Кивнув Эмилии, направлявшейся к стойке, где можно было взять напитки, Лика наклонилась к Андрею и зашептала: – Видишь ту барышню? Она, похоже, сумасшедшая. Пристала ко мне возле бассейна, говорит: здесь опасно, официанты хотят всех убить! Она – француженка. Знаешь, кем работает? Психоаналитиком, между прочим! Я попыталась ее немного успокоить. Кажется, мне это удалось.

Андрей пожал плечами:

– Сапожник без сапог – что тут удивительного? А впрочем, из-за всех этих новостей, понятное дело, разволнуешь-

ся. Я тоже беспокоюсь, правда, по другой причине. Ситуация в Тунисе не уникальна, похожая обстановка сложилась во многих восточных странах. Люди там живут очень бедно, но при этом видят многочисленных обеспеченных туристов... Плюс телевидение, Интернет; их кругозор расширяется. Африканцы начинают понимать: жизнь впроголодь – это ненормально, надо бороться за улучшение экономической ситуации. Помнишь, как рушился Советский Союз? Началось все в Прибалтике, потом перекинулось и на другие республики – поочередно. Процесс не только «пошел» – он стал неконтролируемым и неуправляемым. Боюсь, и здесь произойдет нечто подобное. И как говорится: лес рубят – щепки летят.

– Может, нам лучше уехать? Хотя, конечно, жаль будет потерять деньги... Вряд ли нам возместят расходы: я так понимаю, речь идет о форс-мажорных обстоятельствах? Но жизнь и безопасность все-таки дороже! Хотя мне, если честно, так не хочется дергаться! Только приехали, еще не накупались... Может, все обойдется? И потом, в нашем домике такая прекрасная широкая кровать...

– В последнем выпуске новостей... – Андрей отпил глоток вина из бокала и поморщился: – Вино немного горчит, тебе не кажется?.. Да, так вот, в последнем выпуске российских новостей сообщили: в случае обострения ситуации проведут экстренную эвакуацию. Я покупал тур в агентстве, официально. Так что, по идее, забыть нас не смогут: наверное, тура-

гентства передадут информацию об отдыхающих здесь россиянах в посольство. А самостоятельно мы вряд ли уедем, сюда самолет только раз в неделю прилетает. Пока что я не вижу особых оснований для паники. Но все-таки «забывать» на все и расслабляться тоже не стоит – не тот случай.

Ли́ка слушала рассудительный голос Андрея и понимала: ей ни капельки не страшно. Потому что рядом – надежный мужчина, он обо всем позаботится, не подведет ее.

– ...Ау! Второй раз тебя спрашиваю: что такое хел?

Отпив глоток минеральной воды (каким-то острым соусом здесь поливают мясо, вроде табаско – во рту все горит!), Ли́ка недоумевающе подняла брови:

– Хел? Понятия не имею! Это чье-то имя? Фамилия?

Впервые слышу!

Андрей пожал плечами:

– Не знаю, может, и имя. Мне показалось, я слышал крик, очень жалобный. Кто-то кричал: «Хел, хел!»

– погоди. – Ли́ка резко откинулась на спинку стула, и от неловкого движения вилка спикировала под стол и обиженно дзинькнула на полу. – Я ведь тоже сегодня что-то такое слышала... То есть слов я не различила, музыка громко играла. Но мне показалось, что я услышала нечто похожее на жалобный стон... Потом меня отвлекла Эмилия, и я провела «сеанс успокоения нервов» для профессиональной «успокоительницы»... Андрей, а если это не «хел», а «хелп»?!

– А что такое «хелп»?

– «Помогите» на английском!

– Помогите?.. Английского я не знаю, тебе виднее.

Пару минут они молчали, внимательно прислушиваясь к окружающим их звукам.

Никаких настораживающих звуков. «Времена года» Вивальди льются из динамиков, слышен легкий звон столовых приборов, звяканье тарелок, обрывки разговоров, смех...

Андрей вдруг взял бокал вина и с подозрением его понюхал. Потом проделал то же самое со стаканом минеральной воды.

– Да нет, вроде все в порядке. Показалось...

Лица кивнула на свою тарелку, где лежал не доеденный ею кусок мяса:

– Мне кажется, они с маринадом переборщили или с соусом. Стейк слишком острый. Блюда за обедом понравились мне намного больше. А с этим блюдом местные кулинары явно перемудрили.

– Возможно. Но этот крик... он все равно меня беспокоит. Знаешь что? – Андрей встал из-за стола и протянул ей руку. – Пошли прогуляемся немного. Посмотрим, кто там плачет или... стонет? Может, мне и показалось, может, это какая-нибудь местная живность такие душераздирающие звуки издает?.. Или ты хочешь отведать десерт?

Вронская покачала головой. Какие уж тут пирожные, когда на душе у нее почему-то вновь стало так тревожно...

Обняв Андрея за талию, она вышагивала по белоснежным камням дорожки.

На собственном опыте недавно проверила: рухнуть вниз – проще простого. Тем более теперь, когда у нее на ногах туфли на десятисантиметровой шпильке.

А что же делать, Андрей-то вымахал как жираф – под два метра, – приходится хотя бы по вечерам маскировать свой детско-подростковый рост, хочется же ей выглядеть достойно рядом с таким красивым мужчиной!

– Кстати, Андрей, знаешь, что я сегодня видела, когда в одиночестве прогуливалась по территории?

Она собиралась рассказать ему о странной русской темноволосой женщине (кстати, ни ее самой, ни ее арабского спутника на ужине в ресторане не было), которая украдкой рассматривала драгоценности.

Но Андрей вдруг остановился и указал куда-то вперед:

– Смотри, видишь?

– Смотрю... Вижу... – пробормотала Лика, старательно вглядываясь во тьму (а темнело здесь быстро), – пальмы и клумбы красиво подсвечены... Здорово, да. Но, в общем, ничего особенного и...

И в этот момент она вдруг заметила кое-что особенное.

В цокольном этаже здания вспыхнул огонек, похожий на пламя свечи.

Через пару секунд, когда их зрение адаптировалось к быстро наступившим сумеркам, они разглядели: в окне го-

рит не свеча, а зажигалка. Зажатая в чьей-то руке зажигалка.

Вронская хотела было поинтересоваться: что бы это значило?

Но не успела.

«Какой хруст... мне пробили череп... моя любимая доченька останется сиротой... искры из глаз... ничего не вижу... не чувствую...»

Мысли ее оборвались, и все окружающее провалилось в беззвучную черноту...

* * *

Мысленно призывая себя к спокойствию, Ганс Винкельман отпил глоток пива и отставил кружку.

Нет, ему не показалось – пиво какое-то невкусное. Вроде он попросил налить ему кружку пива того же сорта, что и всегда, а сейчас почему-то в светлом пиве ощущается терпкая медовая сладость, как в портере.

Впрочем, пиво тут ни при чем.

Есть вещи и посерьезнее, поважнее!

«Все произошедшее кажется совершенно невероятным! Я просто подошел в холле к стойке, за которой обычно сидел охранник-секьюрити. Парень куда-то отлучился. Он был мне и не особенно нужен. Я просто хотел посмотреть, насколько эффективно работают видеокамеры. Все эти новости о беспорядках, конечно, не стоит принимать всерьез.

Но все-таки мне захотелось убедиться, что неприятные сюрпризы исключены и видеокamеры надежно просматривают все подходы к отелю... – Размышляя, Ганс прошел к столу с фруктами, положил на тарелочку пару слив и яблоко и вернулся за свой столик. – С безопасностью, наверное, здесь все в порядке: многочисленные камеры и правда «простреливают» и входы, и саму территорию отельного комплекса. Но все это вдруг утратило свою значимость, потому что я увидел такое... Русская женщина сидела под пальмой, болтала по скайпу и вдруг достала из сумки настоящее сокровище! Понимает ли она всю его ценность?! Я, конечно, не профессиональный историк. Но когда имеешь бизнес, связанный с сувенирами, невольно начинаешь изучать старинные легенды, мифы, предания... Перед тем как купить товары в Тунисе, я много читал об истории этой страны, просматривал репродукции картин, скульптур, хранящихся в различных музеях... Мне было важно понять: какие именно сувениры отражают самый дух этой страны, являются ее символом? Конечно, очень популярен миф о Дидоне, основательнице Карфагена. И я запомнил, что на многих мозаиках Дидону изображают в красивом венце, украшенном драгоценными камнями. Такая техника при изготовлении ювелирных украшений использовалась в Трое: два золотых ободка, инкрустированные драгоценными камнями, а между ними – золотые фигурки, цветы или животные, с вкраплениями алмазов. Среди золота Трои сохранилось множество подобных

колец, ожерелий, венцов... Согласно легенде, в Карфаген приплыл троянец Эней, и между ним и Дидоной вспыхнула страсть, однако позже Эней покинул свою любимую, и она совершила самоубийство. Помню, увидев мозаику с изображением Дидоны в венце, я подумал: как мастерски художник воплотил в своей работе древние легенды, венец явно намекает на связь царицы с Энеем, он мог быть подарком троянца царице Карфагена... И вдруг сегодня неподалеку от месторасположения древнего города-государства Карфагена я вижу похожее украшение в руках у русской женщины! Просто голова идет кругом... Откуда у нее такая вещь?! О, если бы она только согласилась ее мне продать! У меня имеется несколько весьма состоятельных клиентов, готовых заплатить за раритеты любые деньги. А впрочем, дело не только в бизнесе. Я обожаю подобные антикварные изделия! Любоваться ими – огромное удовольствие, которое не могут дать никакие финансы. Я должен увидеть этот венец! Просто увидеть его своими собственными глазами, прикоснуться к золотым ободкам, рассмотреть камни... Я пытался не делать глупостей, обо всем таком забыть... Но целых полдня я только об этом венце и думаю. Лучший способ избежать искушения – это поддаться ему!»

Ганс встал из-за стола, педантично придвинул к нему стул, расправил скатерть, выровнял подставку для баночек с солью и перцем.

Идеальный порядок восстановлен.

Можно отправляться на то место, где он увидел это чудо и...

«Я только посмотрю. – Ганс, махнув рукой входившей в ресторан француженке Эмили, резко свернул к другому выходу, приняв вид очень занятого человека. Не хватало еще, чтобы эта дамочка совсем некстати пристала к нему со своими многозначительными разговорами! – Я только посмотрю на этот ювелирный шедевр – и сразу же верну его на место. Русская туристка очень «удачно» спрятала сумку с украшением! Она огляделась по сторонам, приподнялась, поставила сумку на основание ствола... листья у пальмы очень пышные, если не знать, что между ними что-то спрятано, ни за что не разглядишь сумку! Я только посмотрю на венец. А потом найду русскую туристку и попытаюсь обсудить с ней возможность его продажи. Я же не вор, не преступник!»

Он добрался до заветной лужайки. И... закусил губу.

Возле пальмы горело множество лампочек. Пробраться к дереву под покровом темноты... нет, не выйдет: включенная подсветка разрушала весь его план. Русская туристка не знала, что неподалеку установлена видеокамера. Но ему то хорошо известно: все происходящее в этом месте прекрасно видно на мониторе, и вероятность того, что секьюрити прекрасно рассмотрит все подробности, очень и очень велика...

Поколебавшись, Ганс все же направился к пальме.

– Придется внести корректировку... Я возьму сумку, пройду с ней в свой домик, – пробормотал он, невольно оглядываясь по сторонам. – Осмотрю венец, возможно, сделаю пару фотографий... А потом просто передам сумку русской туристке! Скажу ей правду: случайно увидел украшение, заинтересовался... Нельзя такую редкую вещь бросать без присмотра! Немка никогда бы так не поступила и...

Он замолчал. Поднявшись на мысочки, зашарил рукой между упругими, чуть влажными листьями, дернул их – еще, еще! – резкими, нервными движениями.

Сумки в природном тайнике не было!

Огромное облегчение (все-таки не придется ему совершать неблагоприятный поступок!) сменилось обжигавшей душу досадой.

Как же все-таки хотелось ему как следует рассмотреть прекрасную антикварную вещь!

Ганс вновь осмотрелся, прекрасно понимая, что оглядывать газон глупо: сумку, конечно, забрали, никаким порывом ветра на землю ее не сбросило бы, да и ветра-то сильного не было, а листья пальмы надежно скрывали сокровище.

Но он продолжал лихорадочно оглядываться.

А еще... у него вдруг очень сильно заболела голова.

«Должно быть, от расстройства, – вздохнул Ганс, выбираясь с маленькой лужайки на выложенную белыми камнями дорожку. – Пойду в номер, прилягу, приму таблетку...»

«Я думаю, Кристин намного старше меня. Ее выдает взгляд: умный, пронзительный, обжигающий. Но если не обращать на это внимания, то, конечно, Кристин выглядит как хорошенькая молоденькая девушка.

Странно, что она русская, ведь в ее внешности нет ничего славянского. У нее темные волосы и карие глаза. Кристин очень похожа на наших красивых девушек, и в этом проблема. Я теряюсь, смущаюсь, не могу найти нужные слова. Иногда я вспоминаю о том, что женщины предпочитают в мужчинах силу и уверенность. Пытаюсь вести себя соответственно. Но надолго меня не хватает: от запаха ее духов у меня из головы вылетают все мысли, руки дрожат... Это больше, чем желание секса, – это намного опаснее! Мне становится не по себе. Кристин не похожа на моих прежних «клиенток», она вообще ни на кого не похожа. Я не могу понять, как она мыслит, не постигаю мотивов ее поступков. Просто хочу быть рядом с ней. Это так непривычно! Есть у нее деньги или нет, захочет ли она сделать мне подарок – все эти обычные вопросы, всегда возникавшие во время моего «общения» с женщинами, больше меня совершенно не волнуют...

Просто мне очень хочется узнать вкус ее губ. Хочу прикоснуться к нежной коже Кристин, почувствовать ее объ-

ятия. И чтобы она хотела меня – задышающаяся, влажная от испарины... Кажется, я мог бы ласкать ее долго, до бесконечности долго, так, чтобы Кристин растворилась в теплых волнах удовольствия. Секс – это все, что я способен ей предложить. Конечно, хочется помечтать о том, как мы любили бы друг друга, проводили бы время вместе, жили в одном доме, растили бы детей... Но такие парни, как я, быстро понимают и свое место, и свои возможности. Я слишком давно разучился мечтать. Когда ты постоянно, хронически голоден, очень быстро уясняешь: чудес не бывает.

Кристин никогда не будет **моей** женщиной. По-настоящему моей – единственной и на всю жизнь...

Хотя мне этого очень хотелось бы...

Не знаю, когда именно у меня появилось это желание.

Когда я увидел ее через окно туристического агентства – скуцавишую, раздраженную и невероятно красивую?

Когда она согласилась взять меня с собой на Бо? Не зная обо мне ничего, ничего! Такой авантюризм производит впечатление: эта женщина словно летит по жизни с повышенной скоростью, она ничего не боится, она любит риск, азарт, приключения.

Или я влюбился в Кристин, когда она решила украсть мою сумку с драгоценностью, стоявшей кучу денег?

Или когда она вернула мне ее? Вернула с такой непринужденностью, как будто речь шла не о сокровище, а о сущей

безделице!..

Конечно, обнаружив, что сумка с украшением исчезла, я чуть не сошел с ума.

Подозревать никого другого, кроме Кристин, у меня не имелось никаких оснований.

Я выбежал из номера, помчался к морю, потом к бассейну...

Ее нигде не было.

Чемодан Кристин остался в номере. А вот портфеля с ноутбуком не было – я это понял, осмотрев каждый уголок нашего просторного бунгало.

Она взяла компьютер, паспорт и мое сокровище – и улетела! Конечно, для успокоения совести я обойду весь остров. Он небольшой, я знаю тут каждый уголок, так как дважды приезжал сюда с «клиентками», оба раза – с немками.

Примерно так я и думал, когда от шезлонга, стоявшего в тени пальмы, до меня вдруг донеслось:

– Салах, привет. Присоединяйся ко мне! Можно я буду называть тебя Блэк Черри?

Кристин в купальнике выглядела бесподобно. На пару секунд я даже забыл о своей пропаже.

– Значит, ты не возражаешь? – Она соблазнительно улыбнулась. – Бери шезлонг, присоединяйся! А почему ты ничего не спрашиваешь про «блэк черри»? Это прекрасный цветок, дивная орхидея. Красивее ее на свете ничего не существует! Она черная, совершенно черная, потрясающая...

Кристин стала рассказывать мне о своих любимых цветах. Я понял, что у нее целая коллекция дома, и эти цветы она любит так нежно и трепетно, будто они ее собственные дети.

Да, у меня не имелось других подозреваемых, кроме Кристин.

Но я смотрел в ее горящие глаза и не допускал даже мысли, что именно она украла мою драгоценность.

Кристин выглядела такой спокойной и естественной, что я так и не решился ни о чем у нее спросить, просто слушал ее рассказ и любовался прекрасными пухлыми губками...

– Блэк Черри, почему ты такой грустный? Все в порядке? Я соврал, что все в порядке. Потому что все меньше верил в виновность Кристин.

Она лукаво улыбнулась:

– Мне кажется, вон на той пальме прямо для тебя вырос прекрасный золотой банан. С изумрудами и сапфирами!

В два счета я оказался у пальмы, поднял руку и...

Там стояла моя сумка!

С колотящимся о ребра сердцем я растянул молнию... и облегченно вздохнул.

Сокровище было на месте!

– Знаешь, я все думала, а не прихватить ли мне его с собой? – Кристин грустно вздохнула. – Мне кажется, оно стоит кучу денег. А мне так хочется иметь собственный пи-

томник орхидей... Но потом я поняла, что воровство отравит всю мою любовь к цветам. Может, это и глупо – чистая совесть! Но я так решила. А вот ты, наверное, думаешь по-другому, да?

Я думал по-другому.

И считал, что у меня есть оправдание – голод.

Голод – это страшное чудовище! Только тот, кто почувствовал все его стадии, кто знает наизусть его злоецие гримасы, меня поймет. То слабость, то желание кого-нибудь убить, то резь и боль в желудке, то звон в ушах... И все это длится мучительно долго... до бесконечности! И самое страшное – осознание того, что ничего не изменится. Голод – неизменный действующий персонаж всех моих кошмарных снов. Я очень боюсь, что мне и моей семье будет нечего есть. Мысли о том, что у мамы и сестер не останется даже горстки кускуса, сводят меня с ума.

Я рассказал Кристин все.

Да, я украл! А мог бы и убить!

Что у меня чудесная мама и три сестры, и я всех их очень люблю.

И что нам трудно живется, что я продаю свое тело. И мне не противно! Наоборот, я рад, что могу хоть как-то содержать своих любимых девочек.

И да-да – я украл! И спрятался на острове Бо, и хочу побыстрее продать этот венец и получить много денег. И мне все равно, хорошо это или плохо! Когда живешь такой жиз-

нюю, как у меня, все эти моральные терзания абсолютно неважны...

Она не дослушала, схватила меня за руку.

Я заметил слезы, заблестевшие в ее глазах.

Мы побежали в наше бунгало. Кристин заказала обед в номер, и мы несколько часов подряд наслаждались вкусной едой и болтали обо всякой всячине.

Очень хотелось поцеловать ее.

Я смотрел на лицо Кристин, любовался каждой его черточкой.

Иногда она выглядела грустной. Подкладывала на мою тарелку то закуски, то салат и все повторяла:

– Ешь давай! Ты такой худой! А у тебя большие планы, тебе надо набраться сил.

И вдруг на ее лице появлялась улыбка.

– Скорее бы прошла эта зима! Я люблю весну, потому что многие мои орхидеи зацветают весной. Больше всего я жду цветения своей любимой голубой «ванды»!

Я никогда не видел орхидей, не имел ни малейшего представления о том, как выглядит голубая «ванда». Но как же мучительно я ей завидовал! Я хотел бы быть цветком, о котором заботится Кристин...

Отяжелевшие от еды, разморенные теплом (кондиционер Кристин включать отказалась – сказала, что не для того она приехала из зимы в лето, чтобы мерзнуть), мы заснули.

Кристин и теперь посапывает, свернувшись клубочком

на большой кровати в спальне. Я спал на диванчике в гостиной, а проснувшись, взялся за свои записи и...

В дверь номера постучали.

Салах отложил компьютер, поднялся с дивана.

На пороге номера стоял молодой парень.

– У меня к тебе дело, – быстро сказал он по-арабски. – Ты ведь не в первый раз на Бо? Я тебя тут уже видел... с другими дамочками. Короче, у нас такой план – пощипать как следует туристов и свалить отсюда! В стране начинаются акции протеста, беспорядки... Полиции будет чем заняться. Ну что, ты с нами? Поможешь облегчить багаж своей птички? Возьмем тебя в долю! Не бойся, мы заберем только деньги, никакой крови не будет. Если туристы поведут себя разумно и не станут дергаться – останутся в живых.

Салах покосился на бейджик с именем, приколотый к синей майке парня, и с недоумением пожал плечами:

– Ахмет, что вы задумали? Неужели ты не понимаешь, что если вы реализуете свой план, то никогда уже не вернетесь на работу в этот отель?

– Да если я продам один только ноутбук, заработаю столько денег, сколько мне в этом отеле за несколько лет не заплатят! Ну, так что, ты с нами?

– Я должен подумать.

– У тебя нет времени. Решай сейчас!

Он посмотрел в безумные, исполненные обжигающей

ненависти глаза Ахмета. И кивнул:

– Хорошо, я согласен. Что надо делать?

* * *

Эмилия Мюрье грустно вздохнула, вспомнив о своих попытках поговорить с парой симпатичных американских туристов, Стивеном и Дженни, а также с недавно приехавшей русской, Ликой. Американцы солнечно ей заулыбались: «Быть такого не может; наверное, ваши познания в арабском не столь сильны, как вы думаете». Русская говорила о высоком уровне безопасности в отеле и прекрасном сервисе, потом переключилась на обсуждение массовых беспорядков в Москве и Париже.

И, в общем-то, в какой-то момент этим людям удалось убедить ее – никаких оснований для беспокойства нет.

У активно практикующих психотерапевтов случается так называемое профессиональное «выгорание». Проблемы клиентов, которыми наполнен каждый их рабочий день, постепенно формируют у врачей этого профиля мнение о том, что весь мир целиком состоит из всяческих кошмаров и ужасов. Маленькая неприятность воспринимается ими как все-ленская катастрофа. А иногда... иногда ты проваливаешься в глубокую пропасть парализующего волю отчаяния и страха и вовсе без всяких на то оснований. Может, именно это с ней и произошло? Может, и правда все дело в неправиль-

ном переводе слов тех парней или в чьей-то шутке?

Но период блаженного спокойствия длился недолго. Стоило только ей явиться в ресторан на ужин, чтобы понять – весь обслуживающий персонал, от охранников до официантов, находится в сговоре.

Ничего ей не показалось!

Никаких сомнений нет!

В воздухе было ощутимо разлито некое беспокойство, напряженное ожидание. Даже запах этого места стал каким-то *особенным* – тяжелым, удушливым, густым... звериным.

И дело было не только в общей эмоциональной атмосфере. Стоит только посмотреть профессиональным взглядом на всех этих арабов! Их гнусные планы – в прямом смысле этого слова – были написаны у них на лицах.

Многочисленные взгляды, напряженные улыбки, нервные, порывистые жесты...

И очень странно, что никто не обращает на это никакого внимания! Сигналы настолько явные, что, кажется, даже не нужно быть профессиональным психотерапевтом, чтобы увидеть это!

Как подозрительно тот парень, подающий за барной стойкой напитки, отводит взгляд! Он протягивает ей бокал, и у него напряжены даже уши, а на лбу блестят бисеринки пота – при том, что кондиционер в зале работает на полную мощность!

Они явно что-то затевают. Все они!..

Что-то произойдет... в самое ближайшее время.

Категорически нельзя прикасаться ни к еде, ни к напиткам – их подают с такими фальшиво-заботливыми лицами, что лучше незаметно отставить в сторону бокал или тарелку.

И еще. Надо попытаться спрятаться в укромном местечке, благо таковых на территории острова более чем достаточно.

Но сначала надо позвонить и сообщить о возникших у нее проблемах.

Позвонить... Вот только кому?..

Эмилия задумчиво полистала телефонную книжку.

Беспокоить родителей глупо.

Подружки, конечно, готовы посочувствовать ей всей душой, но смогут ли они быстро связаться с полицией? Вряд ли.

А вот...

– Отлично! – И ее палец нажал на кнопку вызова. – Позвоню тому месье из туристического агентства, продавшему мне этот тур. Он говорил, что при возникновении проблем его можно побеспокоить в любое время дня и ночи.

Она замолчала и недоумевающе уставилась на экран телефона.

Странно, но связи не было. И это при том, что, сидя именно на этой скамейке, она сегодня утром отправила эсэмэску в Париж, и мама прислала ей ответную!

С нехорошими предчувствиями на душе Эмилия зашагала вперед по дорожке.

Черточки в верхнем левом углу экрана телефона, свидетельствующие о наличии связи, так и не появились.

Зато в кустах неподалеку послышалась какая-то возня, прозвучали чьи-то ругательства по-немецки.

Обмирая от ужаса, Эмилия вытянула шею. И увидела, как двое мужчин избивают лежащего на земле Ганса. Его объемный живот от их резких ударов дрожал, словно желе...

Быстро уйти отсюда, скрыться!

Срочно!

Но чьи-то руки вдруг грубо схватили ее за плечи...

Глава 4

Цирта, 202 год до н. э.

Столица массасилов Цирта располагалась на горном плато. Однако в темноте очертания города, который правитель Сифакс¹⁷ всеми силами старался сделать похожим на Карфаген, почти не видны. Это днем можно удивиться столь дикому сочетанию – традиционным нумидийским мапалиям и мощным улицам, о камни которых местные жители, привыкшие всю жизнь ходить босиком, сбивают теперь ноги. Но теперь ночь опустилась на горы, и Цирта, окутанная мраком, безмятежно спит. Неподалеку от города разбит лагерь пунов, там горит костер, рядом с ним дремлет часовой. Яркое пламя огня бросает отблески на крыши шатров и влажные конские спины.

Совсем немного времени пройдет, и смерть настигнет их всех: воинов и трусов, храбрецов и предателей, женщин, детей, стариков...

Еще чуть-чуть – и Масинисса будет отомщен.

Только вот...

Масинисса вглядывается во тьму, туда, где беззаботно спят его враги, и с удивлением понимает, что не ощущает

¹⁷ В Нумидии того периода было два племени – массилов (возглавлял его отец Масиниссы, царь Гайя) и массасилов (его возглавлял царь Сифакс).

никакой радости. А испытывает, как ни странно, жалость.

Ему жаль самого себя – молодого, наивного, еще не утратившего способности верить людям...

...В государстве пунов все устроено очень странно, не так, как принято в нумидийских землях. Люди носят не короткие одежды из шкур, а какие-то белые длинные рубашки, и поверх их еще и набрасывают дурацкие пурпурные накидки. На их ногах – смех-то какой! – ремешками закреплены нелепые обмотки из светло-коричневой кожи. Женщины не украшают себя страусиными перьями, а носят на руках и ногах какие-то некрасивые тонкие светло-желтые полоски, даже не разукрашенные яркой росписью. Головы мужчины тут не бреют, позволяют своим волосам отрастать до весьма изрядной длины. А как удобно это принято у нумидийцев – обрить острым мечом весь череп, оставив только пучок волос на макушке.

В Карфагене есть такое специальное место – оно называется «базар», и там чего только не увидишь! И еда есть, самая разная, и горшки, и оружие, и одежда... Прекрасных певчих птиц здешние торговцы держат в клетках! А если попробовать отпустить их на волю – крик поднимается, и ужасный! Требуют за птиц денег и даже иногда бьют! Здесь одни люди часто избивают других... Проходишь мимо чьего-то дома и видишь: хозяин дубасит слугу. Главное – не выхватывать меч, не бросаться на защиту. Скрутят, избыют, да еще и виноватым представят! Оказывается, тут так принято: хо-

зьева могут бить рабов. Только одно хорошо в Карфагене – корабли: дивные, огромные, похожие на божественных существ из древних нумидийских сказаний. Они заходили в гавань, величественные и неторопливые. И сразу со всех сторон к кораблям стекались потоки людей, желавших купить масло, терпкое фалернское вино, пряности, ткани и прочую всячину, которую сюда доставляли гаулы.

«Вообще-то отец у меня, конечно, хороший. Сильный воин, весь народ его уважает, – рассуждал Масинисса, пытаясь привыкнуть к своей новой жизни. – Только все-таки зря он меня сюда отправил! Послал в Карфаген, дал с собой коня, слугу и велел учить языки – пунийский и эллинский. А зачем мне эти языки? Карфагеняне – такие надутые, спесивые, неискренние! Не хочу я с ними ни о чем разговаривать! Однако отец сказал: пуны – наши союзники, только в дружбе с карфагенянами нумидийцы могут сохранить свои земли, на которые давно положил глаз наш сосед, царь Сифакс».

Впрочем, когда ему совсем стало неважно от долгих занятий и карфагенской сутолоки, когда уже казалось, больше терпеть такую жизнь никаких сил у него нет, – все вдруг изменилось.

Софониба, яркая звезда, озарила его жизнь своей ясной красотой. И сразу стало понятно, для чего ему жить, к чему стремиться. И показалось даже, что до знакомства с ней настоящей жизни у него и вовсе не было...

Обряда помолвки у нумидийцев не существовало. Если

мужчине приглянулась какая-то девушка, он просто увозит ее на быстром горячем коне в свою мапалию, а ее отцу посылает выкуп.

Поэтому вначале предложение отца Софонибы, Ганнона, конечно же, вызвало у юноши недоверие.

А что, если Ганнон не хочет отдавать прекрасную Софонибу замуж за Масиниссу?

Вдруг он просто ищет предлог, чтобы не отказать ему прямо?

Карфагеняне не такие, как нумидийцы. Они никогда ни о чем не говорят напрямую, все время хитрят, обманывают...

Но позже это беспокойство прошло. И даже появились мысли о том, какой это все-таки прекрасный обычай – помолвка!

Ведь жениху разрешается совершенно свободно приходить в дом своей невесты, разговаривать с ней. Иногда, уловив момент, когда поблизости никого нет, можно даже взять Софонибу за руку.

Какое это счастье – смотреть в бездонные карие глаза, любоваться нежным румянцем, чувствовать аромат розового масла, которым умашены пшеничные локоны девушки! Софониба часто появляется в золотом венце, отделанном сияющими камнями, и он великолепно оттеняет красоту девушки.

Вот любимая сидит рядом с ним в беседке, увитой вино-

градом, – она такая прекрасная, близкая, желанная... Мысли его путаются...

Однако молчать все-таки нельзя. Жизнь в нумидийских землях сильно отличается от карфагенской, и надо рассказать об этом Софонибе.

– Я сделаю для тебя самую лучшую мапалию. Выстелю пол и стены шкурами, чтобы в нашем доме всегда было тепло. Я – хороший охотник, у нас всегда будет довольно мяса и птицы, – объясняет Масинисса, ощущая острую, непривычную неловкость. С одной стороны, он любит родную землю до безумия. С другой стороны – он так же сильно любит и Софонибу. Смогут ли они привыкнуть и принять друг друга – любимая земля и любимая жена?.. – Я буду очень стараться, чтобы ты была счастлива со мной! Но вместе с тем ты должна знать: у нашего народа совсем другие обычаи и правила. У нас нет городов, таких, как Карфаген. Мой отец – царь, но он живет в мапалии, точно такой же, как и у его воинов; правда, отцовская мапалия обтянута белыми шкурами. И корона у Гайи не из золота, которое почитают ваши люди, а из перьев, которые ценятся у нас.

Мечтательная улыбка появляется на лице Софонибы:

– Не беспокойся, любимый! Я так рада, что отец разрешил мне выйти за тебя замуж! Все твои тревоги видятся мне напрасными.

Тогда ему казалось: Софониба говорит правду, ей можно верить. Она выглядела такой счастливой, что Масиниссе

хотелось лишь одного – скорее прославиться воинскими подвигами и взять девушку в жены.

Служба в войске Ганнибала – испытание не из простых.

Конечно, он – великий полководец. У всех это вызывает уважение и почитание: ведь Ганнибал первым бросается в бой, не обращая внимания на раны, ест ту же еду, которую едят солдаты, спит на голой стылой земле.

Но, безжалостный к себе, он так же яростно безжалостен и к другим.

Невозможно без душевной боли вспоминать о переходе войск Ганнибала через Альпы!

Полководец все рассчитал правильно: римляне даже не предполагали, что войско пунийцев появится со стороны гор. Это вызвало в римском лагере ужасную панику. Однако римляне очень быстро собрались, заняли оборону, а вскоре отважились и напали сами. Особого результата в конечном итоге переброска армии через горы не дала. Но сколько людей погибло там, в ледяных скалах, среди колючего снега, под холодными бичами злого ветра... Наверное, всем, выжившим в том походе, долго еще будут сниться узкие обледелые тропинки, по которым им приходилось карабкаться, держась за лошадиные хвосты. С истошным ревом в пропасть падали боевые слоны. Местные варвары, прекрасно ориентировавшиеся в горах, сбрасывали на головы солдат каменные глыбы...

Не дело воина – жаловаться на подобные испытания.

Но не замечать всей бессмысленности слишком больших усилий невозможно. Воины Ганнибала страдали... даже их враги, римляне, никогда бы не выдумали столь изощренных издевательств над противником.

Но все же во время всех этих тягот всегда горел свет. Как яркая звезда светит на ночном небе, так и мысли о Софонибе озаряли его чело и придавали юноше сил. Любовь помогала ему, когда из-за невероятной усталости невозможно было не то что воевать – просто дышать...

А к тому времени, когда слава Масиниссы, как отличного воина, прогремела среди ратников, выяснилось: не нужны ни Ганнону, ни Софонибе его доблестные подвиги!

Софониба отдана другому!

Она выходит замуж за Сифакса – заклятого врага, старого морщинистого царька...

– Приготовления к свадьбе идут полным ходом, – докладывал Ганнибалу Магон, брат полководца, прибывший из Карфагена. – Очень своевременно, конечно, Ганнон устроил этот брак! Наши люди мне рассказывали – в Цирту как раз приезжали римляне. Они собирались склонить Сифакса на свою сторону. Всем нужна нумидийская конница, всадники этого племени – самые лучшие, отчаянные воины, и римляне это понимают так же хорошо, как и мы... И вот, узнав об этом, Ганнон взял с собою дочь и помчался в Нумидию. Конечно, у Сифакса сразу слюнки потекли, когда он увидел красивую молоденькую девушку...

У Масиниссы, присутствовавшем при этом разговоре (Ганнибал как раз вызвал его, чтобы спланировать завтрашнее нападение на римлян, и тут из Карфагена и прибыл Магон), потемнело в глазах.

Оба карфагенянина прекрасно знают о том, что он помолвлен с Софонибой. И они даже не сочувствуют ему из-за того, что все так сложилось! Ведут себя как ни в чем не бывало!

Нет, Масинисса не хватается за меч...

Ему даже удастся уловить, что именно говорит Ганнибал о завтрашнем наступлении и в чем будет состоять задача нумидийской конницы.

Но, едва лишь спускается ночь, одним воином в лагере пунийцев становится меньше. Кто завтра будет командовать всадниками, Масиниссе все равно! Он уходит прочь от людей, не умеющих держать слово, от тех, кто предает друзей и не останавливается ни перед чем.

Только бы римляне благосклонно отнеслись к перебежчику, только бы позволили ему воевать на своей стороне!

Тогда у Карфагена не останется никаких шансов на победу. И они еще заплатят за то, что сделали!

...План нападения на город Сифакса и на лагерь пунийцев разработан идеально. Такой план мог придумать только нумидиец, прекрасно знающий о боевых особенностях как нумидийцев, так и карфагенян.

Утром в лагерь Сифакса тайно прибыл римский консул –

Сципион.

Сифакс – тот еще хитрец! Женившись на Софонибе, царь поддерживает карфагенян. Но вместе с тем он понимает: половина Нумидии – еще не вся Нумидия, да и Карфаген не столько союзник, сколько господин.

Это обстоятельство можно весьма выгодно использовать...

Надо пообещать Сифаксу всю Нумидию и полную свободу: отныне никакой дани Рим не получит.

О, Сифакс загорится этой идеей, начнет торговаться, ослабит бдительность. Вряд ли он будет проверять часовых, охрану, укрепления, вряд ли отдаст приказ усилить оборону – ведь римляне прибыли, чтобы начать переговоры. Напасть на лагерь Сифакса будет проще простого! Но предварительно надо бросить хотя бы в одну мапалию горящий факел. Обтянутые шкурами хижины сделаны из веток. Сложно добывать прочный хворост в крутых скалистых горах. Но речь идет не о добыче, а об огне! Горят-то ветки превосходно... И об этом карфагеняне догадываются. Их лагерь разбит поблизости. Они бросятся в Цирту – помогать тушить пожар. Побегут, неся в руках кувшины с водой, – не мечи.

Скоро все будет кончено!

Только радости никакой от этой мести он не чувствует...

Перегорело все в его душе, умерло.

Софониба и Сифакс вот-вот сгорят в огне, но уже не важны их смерти, не важно, что ему удалось их перехитрить,

что он победит...

Только себя ему жаль, глупого, наивного, влюбленного, порывистого. Прежнего себя...

Вот наконец-то! Началось...

Пылают хижины. Огонь охватывает мапалии мгновенно. Кажется, еще совсем недавно занялась только одна хижина... Но вот уже весь город превращается в огромный, разгорающийся на ветру костер.

Карфагеняне бросаются на помощь: сосуды полны воды, оружия в их руках нет!

Очень важно выстоять, не напасть сразу. Пусть карфагеняне думают, что это – обычный пожар. Пусть бросятся на помощь, оставят свой лагерь и оружие без присмотра. Нужно выждать, пока карфагеняне увлеченно гасят пожар. И потом...

Получилось! Отлично сработало римское войско!

Отсюда, с гор, все прекрасно видно: римляне быстро окружают ничего не подозревающих пунов, их кольцо сжимается.

– Довольно наблюдать! – прошептал Масинисса, похлопывая своего коня по теплой, вздрагивающей шее. – Мое место там, где идет битва, и...

Он хотел было пришпорить скакуна, но вдруг обессиленно замер в седле.

Кусты раздвинулись, и на площадке, откуда открывался вид на пылавшую Цирту, вдруг появилась Софониба.

В горле у Масиниссы застрял горячий тугой комок. Даже вскрикнуть от изумления он не сумел.

Бывшая невеста ничуть не изменилась.

Все та же светлая туника, очерчивающая ее тоненькую фигурку с красивой упругой грудью. Все тот же золотой венец с сапфирами и изумрудами в волосах. Те же бездонные карие глаза, манящие губы...

Она вдруг бросилась перед ним на колени:

– Любимый мой, я вся в твоей власти! Ты можешь убить меня, и только об этой сладкой смерти я мечтаю! Но сначала послушай... С того дня, когда ты ушел с войском Ганнибала в поход, я думала только о тебе! Я думала о тебе и утром, и днем, и вечером, и ночью... Представляла себе нашу будущую жизнь. Помнишь, мы мечтали об этом – как ты уходишь на охоту, а я жду тебя, и в нашей мапалии зазвенят детские голосочки... А потом отец принес мне печальную весть, что ты погиб. Я все глаза выплакала, я чуть не умерла! Идти замуж за Сифакса или за кого-то другого – мне было уже все равно! Вся жизнь моя была в тебе... А раз тебя больше нет, то и я как будто не живу... Обман отца открылся неожиданно. Слуги донесли мне: в Карфагене все обсуждают, что ты покинул отряды Ганнибала и ушел к римлянам. Народ говорил, что ты – предатель. А мне было все равно! Я просто обрадовалась тому, что ты жив... Я радуюсь и теперь... Моя любовь привела меня к тебе! Я нашла тебя ночью на этой горе... Когда Цирта загорелась, словно бы ка-

кая-то сила вытолкнула меня из мапалии и направила прямо сюда – к тебе... Можешь убить меня! Но сначала поцелуй меня, любимый...

Масинисса спрыгнул с коня и бросился к Софонибе.

Обнять ее, вдохнуть, оказывается, не забытый им запах розового масла, которым она умащает волосы...

Поцеловать ее, прижаться, вобрать в себя ее всю – целиком и полностью... поглотить ее своим телом... так рассыпаясь от жгучего солнца земля пустыни жадно поглощает влагу...

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой, – шептал Масинисса, покрывая поцелуями заплаканное личико.

Ее сладкие губы.

Прерывистое дыхание.

Какая она горячая и нежная!

На них обрушивается поток ослепительных звезд... И как хорошо потом просто лежать обнявшись, разглядывая другие звезды – те, что горят в высоком темном небе...

– Мы поселимся с тобой в Цирте, – говорит Масинисса, поправляя венец на волосах любимой. – Мы объединим Нумидию в единое государство! Я многое хотел бы перенять у Карфагена. Вы растите хлеб, и фрукты, и овощи. А нумидийцы только охотятся, а муку покупают. Я дам своим людям хлеб!

– Ты кого больше любишь – меня или свою Нумидию? – ревниво интересуется Софониба, крепко прижимаясь к Ма-

синиссе.

– Не знаю... Разве это можно сравнивать? Ты – женщина, а земля – это земля. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И чтобы люди Нумидии были счастливы.

– В Нумидии людей много. А я – одна. Получается, что страну ты любишь больше?

Он засмеялся. И вместо ответа закрыл ее ротик поцелуем.

Если бы только знать, чем обернутся эти его слова...

Если бы только предугадать, какие страшные выводы делает его любимая...

...Шел вполне обычный разговор со Сципионом.

Римский консул прибыл в Цирту через несколько дней после сражения. Трупы врагов убрали, кровь с мостовых смыли, повсюду кипело строительство: город восстанавливали, избавляли его от следов пережитого, как змея избавляется от старой кожи.

Сципион прошел в мапалию Масиниссы, поклонился и бросил на Софонибу неприязненный взгляд.

– Нам надо поговорить. Наедине!

Втянув голову в плечи, девушка быстро удалилась, а Сципион принялся расхаживать взад-вперед, гневно размахивая руками.

– Что ты надумал, Масинисса? Ты решил жениться на карфагенянке?! На дочери своих врагов?! Неужели в твоём племени или в самом Риме мало красивых девушек? Я прибыл, чтобы предупредить тебя: если ты хочешь быть с Софо-

нибой – никогда не получишь корону с перьями! Подумай, определись, что тебе дороже – женщина, которая тебя уже однажды предала, или земля, которую ты любишь больше жизни?

У Масиниссы невольно вырвалось:

– Больше жизни я люблю только Софонибу. Без нее ничего мне не нужно – ни корона, ни родная земля!

Может, дочь Ганнона подслушивала разговор, однако не расслышала, что именно сказал ее любимый?

А может, она решила, что царская власть важнее любви?

Получить ответы на эти вопросы Масиниссе было не суждено никогда...

Проводив консула, он отправился на поиски Софонибы. И нашел ее за шатром.

Девушка лежала на земле, освещенная ярким солнцем. Золотой венец, сиявший на светлых волосах, бросал на ее спокойное лицо яркие отблески. В этих разноцветных бликах ему не сразу удалось различить лежавший на земле металлический перстень. Такие перстни носили знатные пунийцы. Камень был повернут в оправе, углубление для яда оказалось пустым.

Софониба решила: она не будет препятствием на пути любимого к власти. Ушла – очень далеко и навсегда...

* * *

– Лика... Лика, приди в себя! Все уже закончилось!
Все в порядке. Лика...

Голос...

Голос Андрея... ощущение присутствия рядом любимого мужчины.

Какие знакомые прикосновения – теплая ладонь легла на ее висок.

А вот света нет.

Глаза ее открыты, можно хлопать ими, смотреть, но...

Чернильная темнота заполняет пространство.

А еще у нее очень сильно кружится голова...

– Андрей, почему так темно? – простонала Вронская, и из черной пустоты до нее донесся чмокающий звук. – Ох, что ж ты меня в лоб целуешь, как покойницу!.. Вроде бы я жива еще и...

Вспыхнувший огонек зажигалки осветил лицо Андрея, какие-то странные трубы-балки, а еще какого-то высокого худощавого парня и девушку.

Похоже, они русские, у парня – типичная славянская внешность: светлые волосы, голубые глаза. Девушка, брюнетка или шатенка, молодая, худенькая, лежит на полу, и даже небольшого огонька хватает, чтобы понять: рядом с ее плечом – лужа крови. Парень держит зажигалку.

Ах да... недавние события потихоньку «проявляются» в памяти...

Рука, огонек, внезапный удар по голове...

Как жутко захрустел ее череп!

«Надо убедиться... – и Бронская осторожно потрогала пальцами затылок, – что все в порядке... Ну, по крайней мере, кости целы... А ведь какой был треск! Голова кружится, но думать я вполне в состоянии. Уже неплохо...»

– Лица, прости меня! Я растерялся, не смог вовремя сориентироваться... Их было пятеро! Наверное, они что-то заподозрили... еще в ресторане и стали следить за нами. Я разделался бы с этими уродами в два счета! Но все произошло так быстро... А потом к твоему горлу приставили нож... Они потребовали ключ от номера, деньги и сотовый. Я все им отдал. Они отобрали и твой мобильник, сняли с тебя кольца, сережки, даже крестик! Потом сказали, чтобы я спустился в этот подвал, и тогда они с тобой ничего не сделают. Я занимался боксом, поверь: я умею бить морды! Но все эти навыки бессмысленны, когда видишь у горла любимой девушки нож! Этот ублюдок был готов тебя прирезать! Не уверен, что сумел бы выбить у него нож раньше, чем он пустил бы его в ход. А если бы я решил сначала раскидать его дружков – вдруг он прирезал бы тебя?.. Дверь закрыта на засов с той стороны. Сергей выдавил оконное стекло. Окошко узкое, выбраться через него невозможно. Только и остается – кричать во все горло. Сережины крики мы и слышали... Ре-

бьята тут уже давно кукуют. Девушка ранена. Здешние аборигены – полные отморозки. Ничего человеческого!

– Преступники существуют среди представителей любых национальностей. – Лика, придерживаясь за руку Андрея, медленно села. – На родине с нами тоже запросто могло бы случиться что-нибудь подобное. Да любой наркоман в Москве за сто рублей человека прирезать готов!

Окружающие предметы завертелись, как в хороводе, но ненадолго.

– Вроде бы меня не тошнит, – констатировала она, прислушиваясь к своим ощущениям. – Да что ж это за день такой: все время я падаю и по голове получаю! Елки-палки, и платье любимое порвала!

– Прости, не смог я тебя защитить... Никогда себе этого не прощу! – воскликнул Андрей.

Вронская лишь вздохнула:

– Жаль, что я курить бросила. Помогло бы расслабиться...

– Не бойся. Мы обязательно выберемся отсюда. Я обещаю тебе!

– Мне жаль, что нет сигаретного пепла. Засмолила бы я сигаретку, а весь пепел тебе, любимому, высыпала бы на голову, и ты бурчал бы: «Я не смог, я не сумел...»

– Я вижу, с тобой точно все в порядке! Отлично, – заметил Андрей, – синтез яда в твоём организме не нарушен. Продолжай брызгаться: это очень конструктивно действует.

Огонек зажигалки давно погас, но Лика, несмотря на тем-

ноту, не сомневалась: Андрей ехидно улыбается.

Пусть уж лучше он ехидничает, чем исходит этим «плачем Ярославны».

Особенно жаль из всех пропавших вещей крестик...

Но ничего не поделаешь, так уж сложились обстоятельства. Главное – что голова у нее цела. Другим наверняка повезло намного меньше...

– А вы откуда приехали? Давно здесь? – Вронская осторожно поднялась и маленькими, медленными шажками приблизилась к светловолосому парню. – Девушка что, без сознания?

– Катя спит. Она устала, ослабела: кровь из ее руки так и хлестала! Спасибо Андрею – он наложил новую повязку, перетянул рану ремнем от джинсов. Я и сам пытался ее перевязать, футболку разорвал. Но повязка держалась слабо... Мне от вида одной капельки крови всегда плохо становится, не могу смотреть даже, как анализы берут... А тут – моя любимая Катя, а у нее ручьями кровь из раны хлещет... Этот козел Ахмет хотел меня ножом испугать! А может, и прирезать вздумал – с такого станется! Катя бросилась на его нож, в прямом смысле слова меня собой закрыла, глупышка... Мы уже три месяца здесь. Не туристы – работаем, клубные танцы преподаем. И отчего нам в Питере не сиделось?! Деньги-то чисто символические нам предложили. Но все-таки тепло, море, все дела... Захотели сменить обстановку – вот и доменялись! Всех этих ребят, кто в отеле работает, мы,

естественно, знаем. У нас с ними никогда не было никаких конфликтов. И вот ни с того ни с сего сегодня после обеда они ввалились в наш номер, избili нас, ограбили... Я кричал, на помощь звал! У меня оказалось в руках парео американки Дженни, она его в танцевальном классе забыла. Я промокнул им кровь и выбросил в окно, думал, может, кто-нибудь его найдет и сообразит, что на острове творится что-то не то. Ничего не помогло... Главное, чтобы Катя выжила!

– Мы слышали крики, но ничего не поняли, слишком уж неожиданно все произошло... А куда девушку пырнули?

– В плечо.

– Такие раны, наверное, не самые опасные. Но перевязку надо было сделать быстрее, – пробормотала Вронская, подумав о луже Катиной крови. – А еще, помнится, при порезе существует риск сепсиса... Большие познания умножают печали. Впрочем, ладно! Так: проблемы решаем по мере поступления, а все переживания и тревоги – непозволительная роскошь. Андрей, надо срочно выбираться отсюда! И из этого подвала, и с этого острова. У меня же дочь совсем маленькая – не хватало еще ее сиротой оставить! И потом, у нас ведь были далекоидущие планы насчет... дальнейшего размножения. Ты помнишь?

Она бодрилась, старалась говорить уверенно и даже шутить, а в душе у нее все звенело от страха.

Господи боже, это ж надо было так влипнуть!

Чужая страна, грабители... Значит, никакой управы они

не найдут на этих преступников – в Тунисе массовые беспорядки.

Конечно, большое спасибо этим сволочам за то, что они хотя бы никого не убили.

Но все равно ничего не понятно: как отсюда выбираться, как вернуться домой...

– До берега очень далеко, на катере – часов пять плыть. На Бо такие катера, что-то вроде водных маршруток, ходили. И еще самолеты летают раз в неделю, – сообщил в унисон Ликиным мыслям Сергей, едва различимый в подвальной темноте. – Народ, а давайте все вместе, хором покричим? Вы же мои крики слышали, а теперь нас стало больше...

Андрей мрачно пробормотал:

– Ага, типа «Елочка, гори!». Услышит тебя только этот крендель арабский и двинет по башке, чтобы не орал. Хотя, может, попытаемся как-нибудь этих уродов урыть, когда они дверь откроют? Главное, чтобы девчонки не пострадали и...

Он зевнул, покрутил головой, потер глаза.

– Ничего не понимаю. Так в сон тянет. И во рту какая-то то ли горечь, то ли сухость. Пить хочется!

Лица похолодела.

Жажда! Очень сильная жажда сразу дала о себе знать, резко и мучительно.

Видимо, первая реакция на стресс – желание убедиться, что с тобой все в порядке. Какие-то особые нюансы состоя-

ния здоровья проясняются позже...

– Я тоже пить хочу. – Она опустилась на пол рядом с Андреем, положила голову ему на плечо. – Очень сильно! Знаешь, мне кажется, эти преступники все спланировали уже давно. Похоже, во время ужина они нам подсыпали какую-то отраву. Нужна вода... промыть желудок. А где ее взять?..

– Это не яд, иначе нас, наверное, тошнило бы. Я себя нормально чувствую, только спать очень хочется.

– Может, снотворное?

– Или наркотик? Не знаю, что там нам подлили, но спать и правда хочется... Я читал, что наркоты в этих местах немерено. А может, врача в заговор втянули, и он щедро поделился с этими типами снотворным.

Андрей опять зевнул, и Лика едва не разрыдалась.

Господи, как же они... «попали»!

А ведь француженка Эмилия предупреждала ее об опасности. Ну почему она, Лика, не восприняла ее слова всерьез?!

Через минуту ее раздражение и досада угасли...

Все... все... ничего больше не имеет значения: веки тяжелеют, дыхание ее замедляется...

Андрей начинает похрапывать.

– Я не сплю, – откликается он сонным голосом, когда Лика похлопывает его по щеке.

– Я тоже... не сплю... Сергей, говори с нами! Пожалуй-

ста, говори хоть что-нибудь, – бормочет Лика. – Знаешь, как страшно засыпать?.. А вдруг я умру во сне?.. Не буду спать... не буду!..

Но когда Андрей пытается что-то ей сказать, успокоить ее, она уже ничего не слышит...

* * *

– Кристин, просыпайся!

Чей-то голос... английский язык.

Сон тает. Зрение фокусируется. Она видит чьи-то карие глаза, длиннющие ресницы, молодую смуглую кожу щек...

Ах да, Тунис... Салах...

– Теперь не время спать, Кристин. Ты в опасности!

Кристина смотрит в красивое встревоженное лицо Салаха и чувствует: в душу ее возвращается недавняя горькая досада.

Все-таки вся наша жизнь устроена как-то несправедливо!

Это же дикость, когда молодой привлекательный, далеко не глупый мужчина не может обеспечить себе самое необходимое: еду, одежду...

Он был вынужден стать курортным жиголо. Он влачит жалкое, полуголодное существование. И он совершенно не пытается вызвать жалость к себе, нет... нет...

Вообще такой взгляд, каким смотрит на нее Блэк Черри, было бы сложно описать в болтовне с подругами. Они бы

не поняли. Никто, кто ни разу в жизни не голодал, не понял бы ничего.

Этот взгляд, от которого мурашки идут по коже, надо просто *видеть*... Один-единственный взгляд мгновенно прокручивает, как кино, чужую жизнь – целиком, всю. У Салаха в этом фильме исключительно трагическая роль...

– Кристин, собирайся, нам надо срочно идти! Времени нет!

Она кивнула:

– Конечно, скоро ужин. Пойдем скорее в ресторан. Ты очень худой, Блэк Черри!

– Нет, никакого ресторана! Я разве плохо говорю по-английски? Здесь оставаться опасно, понимаешь?

– Торговцы, у которых ты свистнул дорогую безделушку, решили с тобой разобраться?

– Нет. Украшение тут ни при чем. Просто...

Кристина слушала быстрые, путанные объяснения Салаха и чувствовала, как от ужаса у нее на макушке шевелятся волосы.

Вот уж правду говорят: никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Классик был не прав насчет «неизвестных»: иногда разговаривать с ними – очень даже полезно! А брать их с собой на отдых – еще полезнее.

Кто бы мог подумать, что чистойшей воды авантюра поможет ей избежать серьезных неприятностей?! Незнакомый

мальчишка, от которого можно было бы ожидать любых пакостей, ведет себя как настоящий рыцарь!

– Нам надо поскорее спрятаться в надежном месте, – быстро говорил Салах, размахивая руками. Его голос дрожал от волнения. – Я уже был на этом острове, я помогу тебе укрыться! Они нас не найдут. Они собираются ограбить туристов, а потом покинуть остров. Ноутбуки, телефоны, одежда – все это позволит им получить кучу денег, и они попробуют снять деньги с банковских карт. Нам надо затаиться и дожидаться, пока они уедут. А уж потом подумать, как выбираться отсюда. У отеля имеются катера и лодки, я умею их водить. Что-нибудь придумаем, не переживай!

– Подожди. – Кристин встала с постели, подошла к большому черному чемодану. Она так и не удосужилась достать все вещи. Надо поискать там туфли на плоской подошве... – То есть ты предлагаешь нам спрятаться, не предупредив других туристов?! Пусть остальных людей ограбят? А мы переждем в укрытии, пока ситуация разрулится?

– Кристин, я беспокоюсь о тебе! Я немного знаком с этими парнями, они мне доверились, как своему. Они предложили мне участвовать в ограблении, я и сделал вид, что согласился. Они велели мне напоить тебя в ресторане вином, туда что-то добавят... наркотик... снотворное... я не знаю... Все начнется в девять вечера. Но я же не могу спасти всех! Их слишком много! И потом, я должен побеспокоиться о сохранности драгоценности. Она – мой шанс на другую жизнь.

Поторопись, собирайся скорее!

– Хорошо, – кивнула Кристина, доставая из чемодана удобные туфли. – Ты все придумал правильно. Я согласна: нам лучше убраться отсюда поскорее.

Она заметалась по номеру, бросая в портфель с ноутбуком какие-то мелочи: портмоне, губную помаду, расческу.

Ситуация (профессиональный рефлекс – мастерство не пропьешь!) уже была проанализирована ею целиком и полностью.

Спорить с Салахом сейчас бессмысленно. Он так дрожит над своей дорогой цацкой! Ему проще будет убрать преграду... в виде нее, нежели рискнуть, и он готов на все.

Они все готовы с легкостью пойти на преступление! У тех, кто вечно голоден, – своя логика.

Но ведь сытые ни в чем не виноваты...

«Господи, как мне жалко людей! – думала Кристина, окидывая прощальным взглядом комнату. – Вроде бы все самое важное я уже упаковала... Я видела на обеде американку, кажется, она беременна... А какая симпатичная пара русских летела вместе со мной рейсом внутренних авиалиний – они смотрели друг на друга такими влюбленными глазами... Эти-то конкретные люди уж никак не повинны в том, что людям, подобным Салаху, в этой стране нечего есть. Но они все равно пострадают... Это просто ужас: приехать в отпуск и стать жертвой преступников! Салах говорит: никого не убьют, только ограбят. Но откуда он знает?! Если

мужики начнут сопротивляться – им что, не дадут по голове? Дадут, вышибут мозги без малейших колебаний! Я ошибалась, сочувствуя Салаху. Да, у него тяжелая жизнь. Он вынужден жить в скотских условиях. Но бытие определяет сознание. И скотское бытие все-таки не оставляет в человеке ничего человеческого! Не зря эти ублюдки обратились к Салаху, предложили ему стать их сообщником. У них даже мысли не возникло, что он заявит в полицию или по крайней мере расскажет все мне. Их объединяет ненависть к тем, у кого в кармане есть хотя бы пара сотен долларов. Нет, это бесполезно, мы никогда не найдем общего языка. У каждого – своя правда. Туристы приезжают в такие страны, чтобы отдохнуть, они тратят в отпуске кучу денег. А аборигены этого не ценят, они нас ненавидят... Нет, это тот случай, когда у каждого своя логика... Я сделаю вид, что пошла на условия Салаха. Но он еще заплатит за все эти фокусы! Посмотрим, что он запоет, когда я украду его золотую цацку... Да, как быстро все меняется в калейдоскопе жизни. Еще несколько часов назад... да что там часов, минут... я была уверена в том, что Блэк Черри – несчастная жертва судьбы. Теперь я ненавижу и его, и таких людей, как он!»

Выход из домика был обставлен в лучших традициях жанра боевика.

Салах (не расставаясь, естественно, со своей сумкой) выглянул наружу, осмотрелся по сторонам, потом махнул рукой: проход свободен.

Догнав парня, Кристина собралась было что-то ехидно заметить насчет тайных агентов. Но Салах вдруг зажал ее рот ладонью и толкнул куда-то в тень.

Если бы она не уперлась спиной в ствол пальмы – упала бы...

Вот по дорожке торопится худощавая стройная женщина в обманчиво простеньком черном платье.

Ее шаги стучат в напряженно-тревожном ритме и вдруг обрываются.

Вынырнувший из темноты длинноволосый парень хватается за плечи, грубо швыряет на землю.

«Он ее сейчас изнасилует, скотина, а мы будем на это смотреть?! Да я ему сейчас как двину!»

Салах, словно бы прочитав ее мысли, крепче прижимает ладонь к ее губам.

А бандит тем временем пытается снять часы с руки девушки. Браслет не расстегивается, и парень что-то злобно выкрикивает...

У Кристины кружится голова.

Дождавшись, пока дорожка опустеет (бандит куда-то утащил свою жертву), Блэк Черри берет ее ладонь и ведет за собой, как маленькую девочку.

«Увиденное «вживую» насилие кажется не очень значительным по сравнению с каким-нибудь боевиком, – испуганно думает Кристина, стараясь поспевать за своим спутником. – Но, конечно, я не могу даже описать, насколько

страшно видеть такое своими собственными глазами! Хочется, как улитке, просто забраться в свою раковину, ничего не видеть, не слышать, не думать ни о чем...»

Она приходит в себя, вырывается из отчаянно-равнодушного полубытья, внезапно осознав: она находится в каком-то помещении со специфическим запахом резины. Едкая вонь отрезвляет ее.

– Где мы?

– Не бойся, тут безопасно, – заверяет ее Салах, нежно поглаживая Кристину по волосам. – Я помнил про этот домик и рад, что не ошибся. Здесь хранятся ласты, мячи, ворота для водного поло. Отсюда все будет хорошо видно.

– Хорошо будет видно... что?

– Когда парни покинут остров.

– Они собираются уехать?

– Да, они погрузят вещи в лодки и уедут.

– А как же мы?

Салах не отвечает на этот вопрос.

Говорит о подробностях планов преступников: они задумали повредить антенну, обеспечивающую на острове мобильную связь, и Интернет, оставив туристов без какой-либо возможности быстро позвать на помощь.

Салах успокаивает ее, обещает защищать.

От этих обещаний страхи девушки только усиливаются, даже зубы начинают постукивать.

Но анализ ситуации она не прекращает.

Блэк Черри говорил, что он умеет водить катер и лодку и что довезет ее до берега после отъезда бандитов.

Однако неужели ему не понятно: если преступники позаботились об отсутствии сотовой связи и Интернета, то уж никаких лодок они «случайно» тем более не забудут?

Вопрос только в том, оставят ли они свидетелей своих злодеяний в живых...

* * *

Время превратилось в одну сплошную липкую вязкую массу, без начала и конца.

Сколько она уже сидит в этом подвале?

Несколько дней?

Да, пожалуй, так...

Сначала была ночь; потом, когда рассвело, бандиты бросили в подвал четыре пластиковые бутылки с минеральной водой. И был день, а потом – опять ночь, и вода уже заканчивается, хотя все пьют совсем понемногу, буквально по несколько глотков.

«Андрей, мне страшно! Я так устала, – хочется пожаловаться Лике Вронской. – Не могу больше, нервы не выдерживают. Надежды почти уже не осталось. Неужели мы все здесь умрем так глупо?!»

Ей хочется жаловаться и плакать, но она только беззвучно вздыхает.

Что толку в этих стенаниях? Андрей и так места себе не находит, никак не может себе простить, что не дал отпор бандитам. Аргументы о том, что никто из мужчин-туристов не сумел вовремя сориентироваться – только в кино супермены ловко раскидывают вооруженных грабителей, – на него не действуют. Андрей сидит мрачный, хрустит крепко сжатыми кулаками. Он попробовал справиться с арабами, когда они открыли дверь, чтобы втолкнуть в подвал новых пленников и упаковку с питьевой водой, но в руках у бандитов оказались уже не только ножи, но и пистолет...

«Андрей потом злился, говорил: это не настоящий пистолет, а обычная зажигалка. – Лика поднялась с пола и сделала по подвалу пару шагов, пытаясь размять ноющие мышцы. – Но с ним заспорил американец Стивен, закричал: «А если это не зажигалка, а у меня жена беременная!» Да, Дженни не повезло больше всех – переживать такой кошмар, будучи в положении, особенно тяжело... Хотя нас всех счастливыми никак не назовешь. У немца Ганса от какой-то снотворной отравы, которую нам подмешали в еду и напитки, началась аллергия. Француженка Эмилия вся трясется от страха. Танцовщица Катя – совсем слабенькая, она потеряла много крови. Первый день заточения мы пережили легче. Рассказывали друг другу, как именно угодили в подвал, ломали голову, как выбраться. Теперь у нас не осталось ни сил, ни надежд. Я чувствую, что вот-вот сорвусь, во мне все буквально звенит от еле подавляемой истерики. Теперь я знаю, как схо-

дят с ума! Среди нас нет только той странной темноволосой русской женщины Кристины и ее арабского приятеля. Надеюсь, хотя бы им удалось сбежать...»

– Стивен, прости меня, я часто была не права, – шепчет Дженни, поглаживая живот. – Я понимала, что придираюсь к тебе напрасно, просто не могла остановиться. Извини меня! И ты меня прости, мой нерожденный ребеночек. Ты никогда не увидишь солнца. Я плохая мать, мне так жаль!..

Чужое отчаяние придает Лике Вронской сил.

Она присаживается возле американки на корточки и, бросив негодующий взгляд на ее измотанного супруга (отчего он молчит, жену не утешает?!), тараторит:

– Дженни, все будет о'кей! Ты же американка, а у вас в этом плане все «построено» четко. За тобой скоро пришлют помощь, заодно и нас вытащат. Все произойдет как в кино – легко и быстро. Ты же не станешь возражать, если brave американские спасатели заодно и нас выручат? Все будет хорошо, нас вытащат отсюда, ты родишь ребеночка. Вот поверь мне, как маме, – с появлением ребенка вся жизнь меняется к лучшему...

Лица вдруг затаила дыхание.

И всей своей кожей почувствовала, что все присутствующие, все без исключения, сделали то же самое.

Только потому, что вдруг услышали звук отодвигаемого засова...

С внешней стороны двери кто-то явно возился с замком.

Андрей, сжимая кулаки, подскочил к двери.

Однако пустить их в ход ему не пришлось.

В дверном проеме показалась та самая русская темново-
лосая женщина Кристина.

Ее лицо было бледным и измученным. Но она улыбнулась и, чуть посторонившись, указала на проем, давая им понять: проход свободен, можно покинуть эту комнатку, пропитанную отчаянием, страхом и безнадежностью.

– Мы наконец вас нашли. Какое счастье! – пробормотала Кристина, похоже, она еле держалась на ногах от усталости. – Я вижу, все живы? Уже и не надеялись на удачу...

Кошмар завершился так внезапно?!

Неужели этот ад закончился?!

– Андрей! – Лика бросилась бойфренду на шею. – Все кончилось, мы можем выйти из подвала!

Тем временем за спиной у русской появилась высокая худощавая фигура. Красивый парень с арабской внешностью с опаской поглядывал на присутствующих. И не зря! Буквально через секунду, грубо ругаясь на немецком, к нему бросился Ганс Винкельман.

«На лице Кристины мелькнуло удовлетворение, или мне это показалось? – успела удивиться Лика. – С таким выражением «поддержки» болеют за боксеров, и, похоже, женщина «поставила» в этом поединке на немца. Но почему, если она приехала на отдых вместе с этим красивым мальчиком?!»

Впрочем, в следующую же секунду она бросилась к дере-

щимся и завизжала:

– Ганс, оставьте его, что вы делаете?! Неужели вы не понимаете, что только благодаря этому человеку мы все смогли освободиться? Он ведь не сбежал, помог мне найти вас!

С подобным успехом, должно быть, она могла бы уговаривать немца станцевать балетную партию: он продолжал трясти парня и ругаться.

Остановила Ганса сумка.

Обычная черная спортивная сумка, которую тунисский парень держал в руках. Почему-то мальчишка совсем не сопротивлялся, лишь прятал за спиной эту сумку.

– Там взрывчатка, сейчас мы все взлетим на воздух, – проворкотала Дженни и заспешила к двери.

Материнский инстинкт погнал ее вперед, она неожиданно легко для своего веса взлетела по ступенькам и нырнула в солнечное море восхитительной свободы.

Машинально проводив убегающую Дженни взглядом, Лика уставилась на Ганса. Тот вел себя более чем странно: заметив сумку, он резко потащил ее на себя. А потом присел перед ней на корточки и щелкнул молнией.

В подвальном полумраке сразу стало светлее.

Какая невероятная вещь там таилась, в этой сумке!

Ювелирное украшение, место которому, должно быть, в самом лучшем музее мира!

Блеск золота, сияние камней, оригинальная конструкция...

«Я уже видела именно это украшение в руках у русской женщины, – пронеслось у Вронской в голове. – Но любоваться такой вещью вблизи – это что-то невероятное! У меня нет слов! Какие красивые камни, какая тонкая работа...»

– Это мое, отдайте! – выкрикнул тем временем по-английски арабский парень. – Вы не имеете права так поступать! Чем вы тогда отличаетесь от негодяев, укравших ваши вещи?!

– Откуда у тебя это украшение?! Ты понимаешь, что это очень старинная вещь? Она стоит кучу денег, – севшим от волнения голосом отозвался Ганс.

– А вот это, – парень наконец выхватил у него сумку и, взвизгнув молнией, повесил ее на плечо, – уже совершенно не ваше дело! Да, мне повезло, удалось кое-что спрятать от воров. Но вот именно вам я ничего объяснять не буду! Какое вам дело, где я взял это украшение?! Лучше сказали бы спасибо за то, что мы с Кристин вытащили вас отсюда!

Глава 5

Состояние духа после освобождения из подвала у всех было очень странным.

Когда свобода была недоступна, у них то и дело возникало столько различных желаний! Связаться с родными, есть, пить, спать, принять лекарство...

И вот случилось чудо: одной из туристок и ее спутнику удалось спрятаться от бандитов, а потом найти узников и освободить их.

Но люди не торопятся расходиться: у них возникает сильное инстинктивное желание не разбредаться по своим домикам, а вместе прояснить все нюансы ситуации и попытаться понять, как бы побыстрее покинуть остров.

Свобода уже есть. Свободы от страха еще нет...

Все, не стовариваясь, направились не в свои номера-бунгало, а в основной корпус. Убедились, что телефоны на рецепции не работают.

Функционирует ли Интернет, установить тем более не удалось: от компьютера с доступом к Сети, которым могли пользоваться все гости отеля, остались лишь обломки компьютерного столика.

Сотовый телефон преступники не отобрали только у Кристины (по понятной причине – она не попала в руки), однако вызвать помощь не удалось: связи на острове больше

не было.

Не имелось даже спиртного, чтобы запить обрушившиеся на их головы проблемы. В этом убедился рыжеволосый турист из Германии Ганс. Он сходил к бару и вернулся очень расстроенный: все многочисленные бутылки с виски, коньяком и вином исчезли. Бандиты забрали с собой даже пиво!

От этого гудящего роя беспомощных грустных вопросов (туристы собрались возле стойки рецепции, как будто их там кто-то мог выслушать, и бубнят, бубнят: нет того, нет этого, невозможно покинуть остров, нельзя позвонить близким...) Лику Вронскую избавляет Андрей.

Нежно целует ее в висок и уводит в глубину зала, где стоит пара мягких кресел.

Какое, оказывается, наслаждение – просто опуститься в кресло после двух суток, проведенных на полу в подвале!

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо интересуется он, не сводя с Лики внимательного взгляда. – Потерпи, малыш, сейчас мы прикинем, как поступать, что делать, и вернемся в свой номер, примем душ. И может, даже отправимся на море. Мы приехали отдыхать, и никакие уроды нам не помешают! Или спать завалимся, хочешь? Ты такая бледная...

Она улыбается:

– Это мелочи, румянец – дело наживное. Самое главное, что я счастлива! Я, конечно, понимаю, сейчас не время и не место для романтических излияний. Но я все равно скажу... Андрей, мне, елки-палки, было хорошо в этом подва-

ле, потому что ты был рядом со мной! И я чувствовала твою любовь во всем: в том, как ты ворчал, что не смог уберечь меня, как ты ломал дверь, как отдавал мне свою воду. Спасибо тебе огромное!

– Да уж, по темечку тебя конкретно шарахнули, – проворчал он, шутливо нахмутив брови. – Просто обострение нежности какое-то!

– И не говори – обострение! Причем такое не лечится!

Она продолжала шутить, чувствуя, как ее душа, словно цветок, распускается от счастья.

Пусть Андрей прячет любовь под шутками и сарказмом.

Пусть он не всегда может открыто говорить о своих чувствах.

Критические ситуации все обостряют, позволяют понять сущность человека, увидеть его настоящее лицо.

И как приятно убедиться, что на этого мужчину можно положиться со спокойным сердцем!

Он не всемогущий супермен: такие бывают, наверное, разве что только в кино. Но он действительно старается сделать все для того, чтобы его женщина была счастлива, чтобы ей ничто не угрожало, чтобы она чувствовала его защиту и поддержку.

Он сильный, поэтому все проблемы рядом с ним кажутся не такими уж и серьезными.

– Как нам все-таки отсюда выбраться? – Вронская забарабанила пальцами по подлокотнику, потом провела рукой

по голове и с досадой поморщилась. Волосы жирные, наверное, слиплись в сосульки – ну да, два дня без душа. – Ну, ладно: на море сходим, искупаемся. А потом – все: в Москву, в Москву! Незабываемый отпуск мы уже получили, пора и честь знать. Как мы отсюда выберемся?

– Связи нет вообще. – Андрей вздохнул, сложил губы в трубочку и шумно выпустил воздух. – Салах и Кристина говорили, что они успели осмотреть причал, где стояли моторные лодки и катера. Одна моторка осталась, но то ли она неисправна, то ли в баке нет топлива. Салах так и не смог ее раскочегарить. Так что в нашем распоряжении лишь пара лодок с веслами и катамараны, но это несерьезно. До берега слишком далеко; сейчас зима, море часто бывает беспокойным, поэтому никакой самодеятельности и никакого ненужного геройства. С таким же успехом на надувном матрасе можно попытаться до материка добраться. Это плавание продлится лишь до первой высокой волны... Впрочем, все не так уж и плохо. Во-первых, здесь ходят небольшие суда, что-то вроде водных маршруток. Может быть, не все аборигены – лица с криминальными наклонностями, и нам окажут помощь? Во-вторых, через шесть дней на остров прилетит самолет – кстати, этим рейсом должен улететь немецкий турист Ганс. Все зависит от того, что сейчас творится в стране, работает ли транспорт, удастся ли полиции не допускать явного беспредела... Хотя я думаю: что бы там ни происходило в Тунисе, помощь к нам подоспеет очень скоро.

– Почему?

Андрей пожал плечами:

– Я вынужден – по делам бизнеса – общаться со своим секретарем каждый день. Двое суток я не выходил на связь. Это может означать лишь одно – со мной что-то случилось. Секретарь примется звонить в турфирму, в посольство... Конечно, у нас в России везде бардак и не всегда можно рассчитывать на быструю помощь. Но ведь среди нас есть еще и граждане Германии, Франции, США. Не пропадем! Нас обязательно вытащат отсюда.

– Вопрос только в том, когда... Слушай, а у меня тошнота наконец прошла. Все-таки дозировка снотворного или другой дряни, которой нас то ли накормили, то ли напоили, была большой – два дня меня мучило. Похоже, преступники хотели изрядно облегчить себе задачу и лишить нас возможности активно сопротивляться. В принципе никто особо не пострадал. Я только за Катю волнуюсь: как там ее рука? Но заражения вроде нет?

– Думаю, нет. Она же не температурит. Бледная, потеряла много крови. Ее приятель лопухнулся с перевязкой... Лица, ты голодная? Я есть хочу – умираю просто! Как ты думаешь, здесь запасы еды остались какие-нибудь?

– Пойдем. – Она встала с кресла, протянула ему руку. – Надо сходить в ресторан или на кухню, проверить, что там с хлебом насущным. Бандиты забрали всю выпивку, но, надеюсь, хотя бы пару сухариков нам оставили. У меня просы-

пается такой аппетит – слона бы завалила! И, конечно, надо посмотреть, что творится в нашем бунгало. Хотя я примерно представляю, что именно – там наверняка девственная чистота!

Прогнозы Лики Вронской насчет голодной смерти не оправдались.

На кухне оказались целые горы провизии – ящики с яблоками и апельсинами, хлеб, ветчина и колбаса, сыр и масло.

Совместными усилиями обед удалось приготовить очень быстро.

Кристина сварила рис, Салах нарезал ветчину, американская парочка, обнаружив в холодильнике пакеты с картофелем фри, нажарила целую гору румяной картошки. Даже Катя, преподавательница клубных танцев, несмотря на свою рану, не осталась в стороне от хозяйских хлопот. Ее партнер Сергей ловко вскрывал баночки с оливками, а Катя раскладывала их содержимое в салатницы. И еще они сварили кастрюлю спагетти.

– Ну что, за благополучное освобождение! – провозгласила повеселевшая француженка Эмилия, когда все расселись за несколькими составленными вместе столами. Вино им обнаружить так и не удалось, но это ее не смутило – молодая женщина подняла бокал с минеральной водой. – Да, в этом отпуске у всех нас были проблемы. Но самое главное – мы, несмотря ни на что, живы и здоровы. И пусть у нас украли часы, деньги и мобильники, вещи – дело наживное. Са-

мое главное, что мы не сошли с ума в этом подвале, выбрались наружу благодаря Кристине и Салаху. Предлагаю выпить за это!

– И за скорое возвращение домой. – Ганс тоже поднял бокал, потом, заметив, как русские чокаются, дзинькнул своим бокалом о край бокала Салаха. – Ты уж извини меня, пожалуйста, что я там, в подвале, на тебя набросился. Просто это твое украшение такое красивое... Я бы хотел о нем узнать побольше. Откуда оно у тебя?

«Стоп-стоп. – Лика Вронская прекратила жевать изумительно вкусный после вынужденной голодовки рис и настоженно прислушалась к разговору. – Почему-то у меня еще в подвале промелькнула мысль: Ганс выхватил ту сумку, словно точно *знал*, что именно в ней находится. Хотя Кристина относительно этой сумки и украшения излишне не таялась, похоже... Если я ее видела, то почему бы этого не сделал и немец? Только непонятно, зачем она таскала драгоценность с собой? Ведь эта вещь явно принадлежит ее спутнику...»

Салах, поправив висевшую на стуле сумку, поднял подбородок, что сразу придало его красивому лицу величественно-надменный вид.

– Я не собираюсь говорить об этом! – заявил он.

– Но я могу хотя бы взглянуть на эту вещь? – не отставал Ганс. – Никогда не видел ничего подобного!

– Я тоже, – оживился американец Стивен, откладывая

вилку с ножом. – Хотел бы сфотографировать эту штуку. Правда, у меня фотоаппарат украли. Успел уже сбегать в наш домик. Представляете, вынесли все: и электрическую зубную щетку, и мою бритву... Но все равно взглянуть хочется – такое красивое украшение! Как не вовремя у меня стащили камеру!

– Извините, но мы не в музее. – Салах попытался улыбнуться, однако взгляд его больших выразительных карих глаз оставался напряженным. – Я не собираюсь вам ничего ни объяснять, ни показывать.

– А почему? – Сергей отложил вилку и заинтересованно покосился на сумку. – Ваш отказ выглядит подозрительно. Может, эта вещь находится у вас не совсем законно?

«Ути-пути, кто это у нас проснулся-встрепенулся! Ишь ты, подозрительный какой! – мысленно возмутилась Ли́ка, бросая на танцора неприязненный взгляд. – Его подруга чуть от потери крови дуба не дала, а он боялся перевязку ей сделать. Сидел бы и питался тихонечко! Не нравится мне этот Сергей, он такой весь из себя гламурный и томный. Недоразумение длинноногое! Впрочем, может, в среде танцоров такие мужчины норма?»

– ...И потому я считаю, что этот предмет приносит людям несчастье, – донесся до Ли́ки голос Ганса.

Она подняла голову от тарелки, удивленно посмотрела на немца. Тот продолжал разглагольствовать на практически идеальном английском:

– Если вспомнить мифологию, то все становится на свои места. У Дидоны была очень трагическая судьба! Эней оставил ее, обманул. Сначала взял в жены, а потом сказал, что судьба зовет его выполнить долг...

– Как это современно звучит, – улыбнулась Кристина, красиво и непринужденно расправляясь со спагетти. – Пообещать жениться, а потом убежать!

Ганс предупреждающе поднял ладонь, явно намереваясь прервать рассуждения Кристины о коварной сущности мужчин. И продолжил:

– Возможно, этот предмет действительно много веков тому назад принадлежал Дидоне...

Лица Вронская скептически хмыкнула.

Все-таки этому Гансу «конкретно» дали по голове, ничего не соображает!

Античная мифология, античная литература – все это пронзительно прекрасно. Немного высокопарно, немного пафосно, немного наивно, но при этом поразительно искренне и очень эмоционально.

Античную литературу приятно читать. Курс, преподаваемый на журфаке, доставил ей много удовольствия. Эсхил, Софокл, Гомер... Список авторов был огромным, но желания посачковать в плане подготовки не возникало совершенно. Да, приходилось «глотать» горы книг. Но это были замечательные произведения, настоящее литературное гурманство.

Однако воспринимать события, описанные в античной литературе, всерьез с фактологической точки зрения просто смешно!

С таким же успехом можно верить в сказки!

Греки и римляне не отделяли божественную сущность от реальности.

Тот же Эней, продинамивший Дидону, помнится, являлся ни много ни мало сыном богини Афродиты! Поэтому был он так красив, что бедняжка Дидона потеряла голову. Однако «мамочка» не полагалась только лишь на красоту своего сына. И на всякий случай, чтобы Дидона не причинила троянцам вреда, напустила на бедную царицу Карфагена любовный дурман. Устоять против такой двойной атаки – «мамочкиного» вмешательства и сногшибательной красоты Энея – бедняжка Дидона была не в силах. Однако этот роман в результате закончился очень плохо и печально.

Древние мифы и трагедии наполнены вымыслами. Считать, что там отражены какие-то реальные моменты истории... Говорить о принадлежности каких-то конкретных украшений людям, состоявшим в родстве с богами... Не слишком ли это опрометчиво?

– ...он принадлежал Дидоне, – продолжал тем временем Ганс Винкельман, не забывая налегать на ветчину. – Тогда смотрите, что получается. Условно говоря, существует невероятное ювелирное изделие – золотой венец, инкрустированный драгоценными камнями. Когда-то эта вещь ока-

залась в эпицентре различных страстей. Дидону предали, она покончила с собой. Между Римом и Карфагеном вспыхнула вражда, продолжавшаяся несколько столетий подряд... Поверьте мне, я знаю, о чем говорю! У меня свой бизнес, сувенирная лавка. Я имею дело и с современными сувенирами, и с антиквариатом. Вещи, как губка, впитывают все, что их окружает: людские боль и радость, счастье и страдания... Они поглощают энергетику людей, событий, времен. Вот почему люди так стремятся привезти из отпуска какой-нибудь сувенир – он напоминает им об отдыхе, о беззаботности того периода, несет в себе частичку культуры определенной страны... Если у Салаха в сумке действительно лежит венец Дидоны, то... это просто страшное украшение! Подумайте: сколько боли оно видело! Впрочем, даже если речь не идет непосредственно о подлиннике – возможно, все равно это весьма древний предмет, выполненный «по мотивам» реального украшения, принадлежавшего Дидоне. Похожее изображение ювелирного изделия сохранилось во многих мозаиках, его могли бы скопировать. Кстати, возможно, не только Дидоне это троянское золото не принесло ничего, кроме страданий. Я встречал в литературе упоминание еще об одной женщине, Софонибе. Она жила несколько веков спустя после основания Карфагена – это уже Карфаген периода правления Ганнибала. Возможно, она тоже являлась обладательницей этого или похожего украшения, и она тоже покончила с собой! Я вас уверяю: изделие это не просто

очень красиво – оно опасно! Как вы думаете, почему в Тунисе начались беспорядки именно теперь? Может, как раз потому, что роковой венец был кем-то обнаружен? А значит, он опять может причинить людям множество бед...

– Да ладно вам народ пугать, хватит всех этих мистификаций, – отозвался по-русски Андрей, перебивая негромкий Ликин перевод, и в его глазах заплясали ехидные чертики. – В Тунисе начались волнения, потому что людям есть нечего! Вот это – единственная причина для массовых беспорядков. А все эти украшения и мифы не более чем красивые легенды.

– Тогда почему умирали ученые, занимавшиеся раскопками пирамид? – спросил Ганс, после того как Лика перевела ему слова Андрея. В уголках его губ обозначились недовольные складочки. – Почему некоторые картины приносят несчастье своим владельцам? Просто вы, наверное, далеки от мира искусства и... – гневно посмотрев на Андрея, он махнул рукой и обернулся к Салаху: – Послушайте, вы просто не осознаете, какой ценностью обладаете! Если речь идет о реальном древнем предмете – он бесценен. Зачем он вам? Хранить такие вещи у себя дома глупо и преступно – им место в музеях или частных коллекциях. Наверное, вы хотите его продать? Но вас могут обмануть в плане цены. Доверьтесь мне! Вы до конца еще не понимаете всей опасности, которую несет в себе такой раритет! Вы не осознаете, что все, произошедшее с нами, может оказаться еще

не самыми большими проблемами!

– Подождите! – Эмилия вдруг вскочила из-за стола, бросилась к окну. – Я слышала шум, как будто кто-то передвинул стол или кресло. Там, на террасе, кто-то есть! Смотрите, смотрите, вон мелькает чья-то тень!

Лица Вронская мигом оказалась рядом с француженкой.

Недавно к опасениям Эмилии никто из них не прислушался.

И это дорого им всем стоило!

Но теперь... теперь территория, прилегающая к ресторану, кажется такой пустынной...

Может, от порыва ветра просто хлопнули зонтики? Они сложены, их большие полотнища шевелятся от сквозняка... Наверное, на сильном ветру они издают гулкие звуки?.. Столы и стулья составлены один в другой и закреплены цепочками. Поскольку весь персонал отеля покинул остров, никто не расставлял пластиковую мебель: она надежно зафиксирована и вряд ли заскрипела бы... Или все-таки на террасе и правда кто-то был?..

– Мы облазили весь остров...

Лица, вздрогнув, обернулась на женский голос.

Кристина, улыбнувшись, повторила:

– Мы облазили весь остров, когда вас искали. Мы ведь наблюдали тайком, как бандиты паковали краденое и уезжали. Конечно, это было очень тяжело: я требовала, чтобы Салах защитил людей – вас, он возражал, что тогда и мы по-

страдаем и не сможем никому помочь; к тому же он безумно беспокоился о своей драгоценной цацке... Я была вынуждена действовать так, как он посчитал нужным. Мы укрылись в каком-то сарайчике, откуда просматривался выход к морю. Преступники нагружали лодки, туристов не было видно, и тогда мы решили, что вас всех где-то или заперли, или просто... убили. Сразу же после отъезда бандитов мы обшарили всю территорию отеля. Потом вышли за ее пределы. Остров совсем небольшой, тут, кроме отеля, нет других построек. Только развалины рыбацкой деревни – пара лачуг. Мы и до них добрались. Ни одной живой души не встретили! А отыскали вас в подвале мы, кстати, случайно. Пошли наискосок, прямо по газону, чтобы быстрее попасть на кухню. Есть очень хотелось. Потом Салах заметил разбитое стекло... Все бандиты уехали на материк. Да и что им здесь было делать? Они обокрали нас, забрали кучу вещей из отеля. Теперь у них другие заботы – награбленное прятать!

– Наверное, это ветер хлопнул полотнищами зонтиков, – пробормотала Вронская, наблюдая за француженкой.

Та стояла у окна и вглядывалась в даль, ее лоб прорезала напряженная морщинка.

– Эмилия, это ветер, – заговорила по-французски Лика, подходя к женщине. – Кристина говорит, что она облазила весь остров и не встретила ни одной живой души.

Француженка кивнула.

Как-то слишком поспешно, словно бы не желая и дальше

обсуждать эту тему.

А потом она вдруг пригнулась к Лике и шепнула ей на ухо на родном языке:

– Будьте очень осторожны! Я чувствую, что скоро возникнет очень много проблем... Я не думаю, что этот венец, что лежит в сумке Салаха, провоцирует всех, здесь присутствующих, на что-то дурное. Но все, что с нами произошло, – все эти стрессы, свобода и безнаказанность... Верьте мне, я же все-таки психотерапевт. Лица некоторых наших товарищей по несчастью отражают совершенно мерзопакостные мысли! И еще более ужасные намерения...

* * *

«Ганс так хочет заполучить эту побрякушку, прямо весь трясется, – думал Сергей, растянувшись на кровати. – Даже если Салах согласится ее продать, Ганс за посредничество обязательно получит свой процент. Немцы, они такие: все скрупулезно рассчитают, своей выгоды никогда не упустят. Впрочем, мне тоже нужны деньги! Я никак не могу достойно устроиться в этой жизни. Пытался торговлей заниматься, взял кредит, компьютеров накопил... Почему я прогорел – до сих пор не понимаю! Только-только с долгами рассчитался – танцы эти подвернулись. Сначала просто «для себя» танцевал, потом с Катей познакомился, она предложила открыть свою студию. Зарабатываем мы мало – аренда все

съедает. Да и несерьезное это занятие – сальсу танцевать».

– Раз-два-три, раз-два-три... Сережа, надо мягче передвигаться, без рывков, – пробормотала сквозь сон Катя, повернулась на бок и поморщилась. Раненая рука все еще причиняла ей острую боль. – Я научу тебя танцевать вальс, мы станем настоящей парой...

Сергей скептически усмехнулся.

Вальс, пара... Да разве ему все это нужно и важно?! Просто Катя – одна из тех женщин, с которыми не пропадешь. Накормит, напоит, обогреет, в своей квартире поселит. На нож бандита, как показывают последние события, легко бросится. Неплохая компенсация за то, что красивых девочек вокруг много, а в настоящий момент ему приходится довольствоваться ею одной.

«Ты любишь меня?» – часто спрашивает Катя, и ее улыбочивое лицо становится серьезным.

Кивнуть, уверить: да-да, конечно, люблю, дорогая!

Это – просто.

Может быть, во всем этом нет ни капли правды.

Возможно, любви как таковой для мужчины вообще не существует – есть только желание секса, стремление овладеть красивой женщиной. Но после нескольких проведенных вместе ночей все это быстро проходит. Как это случилось с его последней любовницей, Наткой. До нее, кстати, были и другие. Просто Катя пребывала насчет них в счастливом неведении, а дура Наташка не выдержала, принялась выяс-

нять отношения. И чего она этим добилась? Так бы они еще покувыркались пару месяцев, к обоюдному удовольствию. Но после тех разборок пришлось ему с Наткой расстаться. Она такая ветренная, эмоциональная! И собственной квартиры у Натки нет. Сделать выбор в пользу Катерины – с учетом всех этих обстоятельств – было несложно.

«Только всю жизнь от нее зависит мне как-то не хочется, – думал Сергей, с легкой брезгливостью разглядывая Катино лицо. Последние события не прошли даром для внешности девушки: кожа ее приобрела зеленовато-бледный оттенок, под глазами залегли темные тени. Но больше всего раздражала его пара волосинок, торчавших из родинки на ее щеке. Раньше их почему-то не было видно, возможно, Катя пользовалась пинцетом, а теперь ей просто было не до того. – Да ну, надоело! Я вынужден согласовывать буквально каждый свой шаг с ее желаниями, контролировать все свои расходы. Конечно, у нас общие доходы, и появляются они в основном благодаря Катиным способностям. Ну и что?! Мне надоела такая жизнь! Зачем мы в Тунис этот, спрашивается, поперлись: платят копейки, а проблем выше крыши! Развеемся ей, видите ли, захотелось, измену мою забыть поскорее! Чувствительная какая, радовалась бы, что я вообще ее выбрал да еще прощения просил как дурак. Нет, пора, пора что-то менять в своей жизни. И я, кажется, знаю, что именно...»

Бросив еще один взгляд на спящую Катю, Сергей осто-

рожно поднялся с постели, нашарил ногами сланцы и вышел из комнаты.

Все просто.

Все предельно просто и понятно.

Нужно улучшить момент и стянуть сумку с украшением.

Какие-то там мифы, легенды, боги с труднопроизносимыми именами – это частности и детали.

Золота в той цацке много, брюликов – еще больше!

Украсть сумку, спрятать венец. Потом, когда все закончится, продать его подороже.

И вот тогда уже можно будет позволить себе любой каприз – обзавестись собственным жильем, тусоваться с разными девочками, ни в чем себе не отказывать. И, конечно, не видеть больше этих умоляющих Катиных глаз, не слышать ее вечного бормотания: «Я так люблю тебя...»

Нечего с этим Салахом церемониться! Все эти местные одинаковы – в лицо тебе улыбаются, а сами за спиной всякие гнусности замышляют.

– С волками жить – по волчьей выть! – пробормотал Сергей, сбегая по ступенькам вниз, к домику, где остановились Кристина и Салах.

Ему очень нравилось и собственное решительное настроение, и придуманный только что план, и выглянувшее из-за туч солнце.

Он обернулся к морю: там, вдалеке, Лика и Андрей возились с моторной лодкой.

«Украду сумку. А к тому времени, может, и лодку починят, – прикидывал Сергей. – Только придется, наверное, спрятать предварительно вещицу в надежном месте, а потом за ней вернуться. Не могу же я просто так с чужой сумкой ходить, как с собственной, – меня в два счета на чистую воду выведут!»

Чем ближе он подходил, тем большее волнение его охватывало.

Все-таки так явно воровать до недавних пор ему не приходилось.

Но ничего, мандраж на начальной стадии – это вполне естественно и...

Погруженный в свои мысли, он споткнулся обо что-то мягкое и перелетел кубарем через какой-то странный длинный предмет.

Ругаясь, поднялся на ноги, обернулся и...

На дорожке лежала француженка Эмилия. Ее белая блузка покраснела от крови. А из груди торчал нож.

Это было последним, что увидел Сергей, уже теряя сознание...

* * *

Бутылку виски бандиты не нашли.

Она стояла на полочке в ванной комнате, перед умывальником, рядом с гелем для душа и шампунем.

Возможно, головорезы ее не заметили, а может, просто поленились брать – ведь к их услугам было все спиртное из нескольких баров, имевшихся на территории отеля.

Обнаружив виски, Ганс Винкельман очень обрадовался.

Схватил стакан, вытряхнул из него зубную щетку и уже собрался отвинтить крышечку...

Однако его остановили следующие рассуждения: «Этот Салах, обладатель ценного, уникального украшения, которое, возможно, действительно является историческим раритетом, конечно, парень предельно недружелюбный и даже агрессивный.

Но пара стаканчиков виски и самому злему человеку на свете быстро прибавят благодушия.

Может, стоит зайти к нему в гости и предложить выпить? Какой мужик после стольких испытаний откажется от перспективы расслабиться, посидеть со стаканчиком крепкого напитка! А потом, глядишь, разговор о венце можно будет осторожно продолжить... в более конструктивном ключе... Да, Салах из местных, скорее всего, он мусульманин. Но по его поведению не скажешь, что он строго следует заветам Корана...»

Взяв бутылку, Ганс ободряюще подмигнул своему отражению. Надо сказать, выглядело оно отвратительно: синяк под глазом, опухшие веки, ссадина на губе и еще одна – на лбу, прямо по линии роста рыжих, немного вьющихся волос.

Впрочем, его голубые глаза глядят весело. А еще, несмотря на боль, ему хочется улыбаться.

Ведь если удастся напоить этого свирепого Салаха, он, может быть, согласится показать украшение.

Оно прекрасно... есть что-то невероятно завораживающее в блеске золота и радуге бликов на драгоценных камнях.

Эту вещь ему удалось подержать в руках всего пару мгновений.

И это были самые прекрасные мгновения в его жизни.

С ума сойти можно, сердце так и замирает! Ведь если все его предположения оправдаются и речь действительно идет о венце Дидоны, то...

То можно выступить посредником при его продаже. И прославиться – ведь обнаружение такого ценного предмета, конечно же, станет событием, имеющим общечеловеческую ценность!

А еще было бы очень любопытно выяснить, где, у кого скрывалось это украшение целые столетия, проследить его возможных хозяев. Действительно ли этот венец приносит несчастье всем, кто к нему прикасается? О, на таком материале легко подготовить очень интересное исследование!

Ганс пулей вылетел из номера и зашагал вниз по дорожке.

Бунгало, в котором разместились Кристина и Салах, располагалось далеко внизу, практически у самого моря.

Путь ему предстоял неблизкий. Ганс настроился на размеренную долгую ходьбу и рассуждения о собственном бизне-

се. Но вдруг замедлил шаги, посмотрел вперед и едва удержался от крика.

Прямо на дорожке лежал преподаватель клубных танцев Сергей. Высокий, худой, с раскинутыми в стороны руками, он вдруг напомнил Гансу изображение распятого Иисуса Христа. И еще. Все вокруг было залито кровью...

Сделав пару глубоких вдохов и выдохов, Ганс осторожно поставил бутылку, опустился на корточки и, вглядываясь в лицо лежавшего на земле парня, взял его за запястье.

– Слава богу, – пробормотал Винкельман после секундного замешательства, – пульс есть! Я не вижу на его теле никаких ран... Откуда же здесь столько крови? А, понял! Наверное, с ним была его подруга Катя с раненой рукой. Сергею стало плохо, Катя побежала за помощью. Возможно, у нее развязалась повязка и...

Сергей, видимо, услышав его слова, открыл глаза и осмотрелся по сторонам. Его губы шевельнулись, но что именно он произнес, Ганс не понял.

– Я не говорю по-русски, – сказал немец на английском, протягивая Сергею ладонь. – Давайте я помогу вам подняться.

Преподаватель танцев перешел на английский:

– А где тело Эмилии? Француженка мертва! Я не знаю, как это перевести точно... Где мертвое тело Эмилии?

– Мертвое?! Эмилии?! Вы о чем говорите?

– Я шел... и споткнулся прямо о ее тело. Мне стало пло-

хо... Я не могу смотреть на кровь...

– Успокойтесь. Не смотрите на кровь. Давайте руку, я помогу вам встать.

– Вы что, не понимаете?! Эмилию убили! Я видел нож, он торчал из ее груди. Где тело? Не надо на меня смотреть с таким сочувствием! Я не сошел с ума! Я правда видел тело.

Ганс кивнул:

– Конечно, вы не сошли с ума.

Но на самом деле он именно так и думал: у преподавателя танцев явно начались какие-то проблемы с головой!

* * *

Хорошо!

Все хорошо, отлично и просто в кайф!

Да, номер обчистили полностью. Зато какое наслаждение наконец-то принять душ, обнаружить, что грабители все-таки великодушно оставили ей купальник и пару чистых футболок.

Увы, починить лодку нет никакой возможности: бандиты повредили мотор, и, поскольку никто из присутствующих на острове мужчин не является профессиональным автослесарем, перспективы ремонта более чем туманны.

Зато в рассуждениях Андрея насчет того, что помощь обязательно скоро подоспеет, есть логика.

А еще... есть солнце, море, еда, вода, здоровье... жизнь...

любимый человек, причем рядом с ней...

«Правду говорят психологи: нет хороших и плохих событий. Только наше отношение к произошедшему расширяет все в черные или белые тона, – рассуждала Лика Вронская, растянувшись в шезлонге. Вода в море оказалась прохладной, купаться мешали довольно-таки сильные волны, но тем приятнее потом лежать и нежиться под ласковыми солнечными лучами. – Конечно, я очень беспокоюсь за дочь, волнуюсь, потому что беспокоится моя мама. Но хочется надеяться, что долго наше вынужденное заключение не продлится. После пребывания в подвале я воспринимаю жизнь как сияющую радугу. Можно плавать, загорать, есть, можно множество всяких приятных штук себе позволить! Наверное, это даже в какой-то степени романтично – оказаться с любимым человеком практически на необитаемом острове...»

– Ты улыбаешься. – Андрей приподнялся в шезлонге, опустил фиксатор и перевернулся на живот. – О чем думаешь?

– О том, что звонки мобильного нас не отвлекают. О том, что в любой ситуации важно уметь видеть хорошее. Когда человек имеет возможность не грузиться по поводу проблем, все трудности преодолеваются намного быстрее и легче. Очень важно так себя настроить, чтобы никакие мелочи не выбивали тебя из колеи.

– Ты права. Но ведь иногда случаются и серьезные неприятности. Болезни близких людей, например. Как в таком слу-

чае сохранять этот самый позитивный настрой?

– Ну да, это уж такое дело, что радоваться нечему. Но, может, чем убиваться, лучше думать о том, что ты делаешь все для того, чтобы облегчить страдания своего близкого человека? – Лица посмотрела вверх, в бездонное голубое небо, словно бы желая там обнаружить еще парочку аргументов. – Ведь всегда можно что-то сделать, помочь, отвлечь и...

Она запнулась.

Потому что подумала – сейчас Андрей ей возразит: а если речь идет не о болезни близких, а об их смерти? Тогда чему радоваться-то? Что они ушли к богу? На небе, возможно, хорошо; только земля после такого горя становится адом для близких покойного. Хотя, наверное, можно вспомнить о том, что все люди смертны; умирать страшно, но после того, как все уже случилось, самое страшное, видимо, остается позади. Эти доводы, конечно, от отчаяния, они малоубедительны. Но, может, лучше пытаться хоть как-то выбраться из пучины горя, чем просто утонуть в ней?..

А затем Ликины рассуждения прервал появившийся на пляже немец.

Он приближался быстро, почти бежал.

И по его виду сразу же стало ясно: что-то произошло! Ганс Винкельман выглядел очень расстроенным. Он нервно дергал ногами, вытряхивая попадавший в сандалии песок; скрестил на груди руки, его плотно сжатые губы казались тонкой ниточкой, прилипшей к подбородку.

Сердце Лики тревожно екнуло: неужели неприятности продолжаются? Ну что еще стряслось, ведь лимит всех проблем ими уже давно выбран до дна?!

– Все твои эмоции написаны на лице. Успокойся. – Андрей встал с шезлонга, протянул ей полотенце. – Набрось это на плечи. Или майку надень, иначе ты сгоришь. Кстати, как насчет твоей теории – уметь видеть плюсы в каждой ситуации?

– С теорией у меня всегда все в порядке, – пробормотала Вронская, натягивая футболку. От соприкосновения с тканью плечи противно заныли. – А вот с практикой – не очень.

Ганс еще издали заорал во все горло:

– Там Сергей на дорожке лежит! Ему плохо! А еще он говорит, что обнаружил труп Эмилии! Но я лично никакого трупа не видел. Да и кому нужен этот тощий французский цыпленок?!

Кому нужен?

Немец ведь сам ответил на этот вопрос!

К сожалению – убийце, как выяснилось...

Эмилия совсем недавно в очередной раз предупреждала: на острове кто-то есть, возможно, не все грабители вернулись на материк. А еще она говорила: недавние неприятности провоцируют на мерзкие поступки всех присутствующих, пробуждают в них все низменное, что скрывается в глубинах их душ.

Как обычно, к ее словам никто не прислушался...

«Почему-то мне кажется, что Эмилия мертва, никакой ошибки тут нет, – уныло рассуждала Вронская, семена за мужчинами, широко и быстро шагавшими вперед. – Я вспоминаю наш последний разговор. У нее на лице было такое странное выражение... Как будто она хочет открыть мне нечто важное, но чего-то опасается, боится... Она явно знала больше, чем решила сказать мне – тихонько, по-французски. Какая же я идиотка! После обеда мы с Андреем вызвались чинить лодку. Эмилия заявила, что останется и уберет посуду. Должно быть, убийца ее подкараулил, когда она возвращалась из ресторана в свой домик... Хотя зачем понадобилось убивать француженку? Разве что она стала нежелательным свидетелем какого-то события...»

– Мой виски! Он пьет мой виски, пока я бегаю за помощью, – возмутился Ганс, гневно указывая на сидевшего на дорожке Сергея. – Да вы только посмотрите на него! А ведь он даже не спросил, можно ли выпить мое спиртное! Причем Сергей не воспользовался стаканом. Никакой гигиены!

Танцор и правда вовсю прикладывался к бутылке. Похоже, он быстро сообразил: хозяин горячительного напитка в гневе, продолжения банкета не будет. Поэтому надо ловить момент, и он лихорадочно отпивал все новые и новые глотки.

Белоснежные камни были так обильно забрызганы кровью, что Вронскую затошнило.

По лицу Сергея расплывалась пьяная улыбка:

– Ребята, как здорово, что вы пришли! А я тут за помин души Эмилии пью... Нехорошо это – человек преставился, а помянуть-то его и некому. Этот немец, гад, разорался, вискаря ему жалко! Да уж конечно, он-то о ее труп не спотыкался! Как вспомню – мороз по коже. Я иду, она лежит, а в груди – нож!

– Какой нож? – машинально переспросила Лика, оглядывая кровавые пятна. В одном месте они явно были смазаны и напоминали следы волочения тела. Такие следы она видела, когда выезжала «на труп» вместе с приятелем, следователем Владимиром Седовым, стремясь собрать как можно более точную «фактуру» для своих детективов.

– Обычный нож, кухонный. Я им сегодня ветчину резал, когда мы обед готовили.

Последней подробности очень «обрадовалась» подступившая к Ликиному горлу тошнота.

«А ведь я тоже резала хлеб к общему столу, и, может быть, этим ножом и зарезали Эмилию и...»

Лика судорожно сглотнула и глубоко-глубоко задышала.

Попытка успокоиться получилась не очень успешной. Голова ее гудела, перед глазами мелькали черные «мушки».

Мучительно хотелось вернуться назад, в недавнее прошлое.

Всего лишь полчаса тому назад жизнь была прекрасна – со всеми ее красками, звуками и запахами, с нелепыми философскими теориями, нежными взглядами.

И вот какое-то ничтожное мгновение все резко изменяет. Кровь, страх, ужас...

Как насчет ее собственных рассуждений? Умения видеть хорошее в любой ситуации?

Нет, теория и практика – это абсолютно разные категории.

Так и хочется простонать: «Перезагрузите эту игру! Верните меня на прежний уровень...»

– Не грызи себя, – мягко сказал Андрей, приобняв Лику за плечи. – Кто знал, что так случится... Ты видишь, кровавые следы ведут куда-то вперед. Пройдем посмотрим. Надо выяснить, что же все-таки произошло? Может, Эмилия ранена и пытается добраться к людям, на помощь позвать? От Сереги, сама видишь, толку мало. Он, как кровинку увидит, сразу хлопается в обморок – тонкая натура!

– Мне кажется, Эмилия мертва, – пробормотала Вронская, печально вздохнув. – Ближайшее бунгало, где остановились Кристина и Салах, расположено в паре метров от места происшествия. Но видишь – кровавые следы ведут в противоположную сторону? По дороге Ганс успел рассказать нам: он сбегал в ближайший домик, там никого не оказалось – Кристины и Салаха не было в номере. Однако Эмилия вряд ли это знала... Ее убили, убили! Мы видим следы волочения тела: это не обессиленная Эмилия ползла за помощью, а убийца пытался спрятать труп!

– Разберемся. – Андрей отодвинул Лику назад и первым зашагал по газону, инстинктивно пытаясь прикрыть ее

ОТ ВОЗМОЖНОЙ ОПАСНОСТИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.